

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Проверено
1949 г.

ПРОВЕРЕНО
2006 г.

ПРОБЛЕМА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ
В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ 15 ДЕКАБРЯ 1927 ГОДА

039612-1

ИРКУТСК
Издание Иркутского Университета
1931

[Михаил Павлович Алексеев]

Тираж 150
3 печати. листа
В.-Сибкрайлит 30/Х 1930 г. №1282
Заказ № 6741.
Иркутск, тип. изд. «Вл. Труда»
1930 г.

Проблема художественного перевода.

Настоящая статья представляет собою запись вступительной лекции в общий курс истории западно-европейской литературы, прочтенной в Иркутском Государственном Университете 15-го декабря 1927 года. Здесь она печатается в несколько измененном и переработанном виде с приложением библиографических материалов и с прибавлением послесловия методического характера, на основе работы со студентами литературно-лингвистического отделения за истекшие три года.

I.

Вопрос, который избрал я темой своей вступительной беседы в общий курс истории западно-европейской литературы, несомненно принадлежит к числу интереснейших проблем так называемой «сравнительной истории литературы» и, как мне бы хотелось показать, имеет немаловажное теоретическое и практическое значение.

Что перевод, как средство ознакомления читателей с произведениями иностранного слова, всегда играет большую роль в литературной жизни, вероятно понятно всякому. Но многие-ли задумывались над тем, возможна-ли и допустима-ли в действительности, осуществляемая при помощи перевода, искусственная пересадка произведенная из одной языковой почвы в другую? Многие-ли отдавали себе отчет в том, что всякий перевод есть прежде всего акт насилия, совершаемый далеко не безболезненно для его объекта? Законен-ли он, этот акт, оправдывается-ли он действительно требованиями общественной жизни и литературного развития? В каком соотношении находятся между собой эстетическая ценность подлинника и перевода его на другой язык? Возможно-ли, наконец, приспособление специфических лексических и синтаксических особенностей литературного памятника к особенностям другого языка и литературы? Таков приблизительно, первый круг вопросов, естественно возникающих при самом поверхностном углублении в поставленную тему. Ни один из них не разрешается просто, легко, убедительно, но неизбежно влечет за собою другие ряды аналогичных вопросов, допускающих, на первый взгляд, столь же простые и произвольные ответы, насколько обычно произвольны и элементарны решения их в литературной практике: ведь здесь теорети-

зирование не всегда предваряет практическое осуществление задачи. Но таково лишь первое впечатление. В действительности, проблема настолько сложна, вторгается одновременно во столько смежных областей знания, упирается во столько еще неисследованных в должной мере явлений, что она требует к себе самого внимательного и осторожного отношения. В самом деле, может ли быть, например, решением первого из поставленных вопросов констатирование факта, что переводы существуют, а раз существуют, то следовательно, они и возможны, и необходимы? Удовлетворит ли на второй из них ответ в том смысле, что во всякой литературе имеются обыкновенно переводы различного качества, а следовательно и различной эстетической ценности? Естественно, что ни справки историко-литературного характера, ни ссылки на писательский авторитет или установившуюся литературную традицию не решают вопроса о том, какими качествами должен обладать хороший перевод, если он хочет претендовать на самостоятельное литературное значение...

Решая все эти вопросы, мы, повторяю, упираемся в кардинальные проблемы лингвистики и искусствоведения, взрываем наиболее глубокие пласты филологической науки. Но всякое знание ценно не само по себе, а по тому употреблению, какое мы можем из него сделать. Всякая, наиболее сложная и интересная проблема, для вас, будущих преподавателей и практических деятелей на ниве народного просвещения, может представлять интерес только в том случае, если она тесно связана с задачами жизни и практической деятельности. Думается, что проблема перевода принадлежит как раз к числу тех проблем, жизненное значение которых несомненно. От ее удовлетворительного решения зависят многие важные выводы литературной и методической практики. Она подсказывает то или иное направление для самостоятельных педагогических и научно-исследовательских исканий. Возьмем несколько примеров. Об эстетической ценности любого перевода очевидно нельзя говорить, не учитывая круга читателей, для которых он предназначен; вопрос о принципах передачи в переводе стиливых, синтаксических, ритмических особенностей подлинника, в свою очередь, стоит в связи с особенностями воспринимающей данный перевод социальной среды, с запасом речевых, литературных, эстетических навыков определенной общественной группы. Таким образом, вопрос о том, как переведено, предваряется другим: когда, кем и для кого переведено? Как переводить, влечет за собой иной: для кого и кому переводить?

Не трудно пойти и дальше: какова же, в таком случае, эстетическая ценность переводов, сделанных в давнее время, и сохраняют ли они ее в новой культурно-исторической обстановке? Переведем последний вопрос в плоскость педагогической практики: можно ли напр. школьнику для его занятий западно-европейской литературой рекомендовать для чтения старый перевод какого-либо

произведения, сделанный напр. в конце XVIII века? (Известно, как много произведений имеется в русских переводах исключительно этой эпохи).

Достигнет-ли в данном случае чтение той цели, на какую рассчитывает преподаватель? Во многих случаях-нет, и задача преподавателя—словесника, между прочим, заключается в том, чтобы уметь отдавать себе точный отчет в качествах того перевода, какой он рекомендует своему слушателю. Для этого он должен знать не только библиографию данного произведения, но и уметь произвести самостоятельную оценку различных переводов его, если таковые имеются, и сопоставление перевода с подлинником. Таким образом, знание теории перевода, умение решать в теоретическом разрезе различные вопросы переводческой техники, может оказать значительную услугу преподавателю в его повседневной практической работе. Если переводы «стареют», если изменения общественного уклада и социальной среды порою могут совершенно лишить тот или иной перевод тех его достоинств, какие он имел в другой исторической обстановке,—то насколько необходимы тогда повторные переводы отдельных художественных произведений? Как и для какой цели должны изменяться принципы их издания? В такой постановке вопрос касается уже не только области культурного строительства, специфических профессиональных задач отдельных авторов, переводчиков и издателей, но и весьма важной проблемы рационального использования в условиях нового быта художественного наследия прошлых времен.

Ряды аналогичных вопросов можно продолжать без конца. Остановимся пока на этом. Нам важно было лишь показать, что проблема художественного перевода может иметь немалое практическое значение, что у нее есть все права на наше внимание. Искусство перевода всегда интересовало и еще долго будет интересоваться и теоретиков и практических деятелей. Но этого мало; множество данных говорит за то, что в условиях нашей современности проблема перевода приобретает особо важное значение. Целый ряд причин обусловил остроту и злободневность ее в наши дни. Чтобы еще больше подчеркнуть своевременность и важность поднимаемых ниже вопросов, я позволю себе небольшое отступление.

Послевоенная эпоха мировой литературы представляется взору наблюдателя, как эпоха литературного космополитизма и интернационализма. Общей чертой для всех литератур современного Запада является напряженное внимание к иноземным литературным богатствам. Не во всех странах это, разумеется, проявляется с одинаковой силой, но тем не менее этот интерес всюду теперь чувствуется гораздо определеннее, чем 15—20 лет назад. Эпоха войн, интервенций и мировых потрясений, сгущенная атмосфера быв-

ших и грядущих битв, имели следствием если не оскудение, то временный отлив творческой энергии во всех областях искусства, временное замедление творческой производительности. Исчерпав до времени наличный запас творческих сил, художественная литература каждой отдельной страны живет в значительной степени на чужой счет. Если справедливо утверждение, что самостоятельная литература часто возникает из переводов иноземных произведений,—как было напр. с зарождением немецкой или русской литературы,—то справедливо также, что к той-же переводческой деятельности обращается литература, уже исчерпавшая запас своих творческих возможностей, отцветающая, богатая собственным богатством. В том интересе, с каким европейские читатели наших дней берутся за чтение переводных произведений, сыграла, конечно, большую роль также и та продолжительная разобщенность, в которую брошены были народы Европы недавней катастрофой войны, блокад, закрытия границ. Вот почему художественный перевод играет в настоящее время на Западе такую большую роль. Тысячная армия переводчиков во всех углах Европы готовит для своих читателей литературную пищу из чужеземных литературных продуктов; звание переводчика становится почетным, а его профессия —прибыльной; знание чужого языка, если оно соединяется с тонким критическим чутьем и самостоятельным литературным талантом, приносит славу; переводами не пренебрегают и писатели, обладающие литературной известностью. Непосредственно после окончания войны Европа пережила своего рода лихорадку международных конгрессов и литературных объединений; создавались особые институты международного интеллектуального сближения, национальная проблема повсеместно вступала в схватку с проблемой интернациональной; чем крепче были политические и государственные границы, чем острее чувствовалась племенная вражда, тем сильнее рос интерес к единой «общечеловеческой» культуре. Достаточно бегло проглядеть основные библиографические репертуары Франции, Англии, Германии, Америки, Италии, чтобы увидеть, как увеличились в этих странах после войны переводы с иностранных языков. Европейский книжный рынок пестрит переводами с русского языка: Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов, и Горький непрерывно выходят в новых изданиях; в Европе, особенно в Германии, сейчас очень популярна даже Лесков, казалось бы столь непереводаемый, столь своеобразный и меткий в идиомах русского языка, в непередаваемой специфичности русской сказовой речи. Всем, конечно, известно, как пристально современный Запад следит также за молодой советской литературой.¹ Во Франции и Германии очень популярна американская литература, англичане и американцы поспешно восполняют свои пробелы в познании литературы немецкой. Как никогда, на всем Западе популярен Восток; в моде колониальная литература, и первенство литера-

турного успеха у европейских читателей оспаривают друг у друга представители чуждых рас и экзотических народностей. Поистине современная литература Европы, это прежде всего литература переводов и подражаний.

Пожалуй, еще более сложное явление наблюдаем мы и у нас. Революция всколыхнула леденевшее море русской речевой культуры; в соседстве с русским языком потекли новые ручейки, на правах равноправных соседей оказались новые молодые языки; расцвела малая народность; их экономическому и культурному процветанию предоставлены широкие возможности; на наших глазах создаются новые национальные литературы. Перевод, как средство приобщения отсталых народностей к единому цельному мировоззрению, приобретает громадное государственное значение; не менее важную роль переводы начинают играть в качестве средства воспитания художественно-литературных навыков, как способ овладения богатствами европейской культуры и рационального использования их в построении новой культуры и нового быта.

В области специально художественной литературы мы имеем у нас явление аналогичное, но далеко не сходное с тем, которое наблюдается на Западе. В результате полной перегруппировки социальных сил, меняется читатель и писатель. Новый читатель несет с собой новые запросы; в области иностранных литератур его интересуют теперь такие произведения, какие или не вызывали к себе прежде никакого интереса или же находились под цензурным запретом; из существующих переводов старых поэтических произведений, многие перестают его удовлетворять; он требует переизданий, которые делались бы по новым принципам и с иными, чем раньше, целями. В переходные эпохи строительства новой жизни, когда все силы правящего класса идут на укрепление занятых позиций, литературная производительность на первое время ослабевает; замедлившаяся продуктивность писателей перестает удовлетворять усилившиеся запросы читателей. Если прибавить ко всему сказанному, что отсутствие конвенций обеспечивает относительную дешевизну литературного импорта, то мы поймем основные причины значительного увеличения у нас переводов с иностранных языков. Лет 15—20 назад переводные романы скромно ютились у нас в журналах и далеко не занимали в русской литературе того положения, какое они занимают сейчас.

Примерно с 1922 года книжный рынок стал наполняться ими, и уже через несколько лет поток переводной беллетристики достиг необычайной силы. Лев Вайсенберг, в статье «Переводная литература в Советской России за 10 лет» приводит любопытные цифры, основанные на подсчете переводной продукции, подсчете, какой он произвел на основании «Книжной Летописи» — журнала Центральной Росс. Книжной Палаты. Если в 1918 году зарегистрировано было

всего лишь 134 названия переводных книг, то в последующие годы количество переводов непрерывно растет и достигает в 1927 году весьма внушительной цифры—782 (другие годы: в 1919 г.—138 назв., 1920—63; 1921—19; 1922—108; 1923—420; 1924—400; 1925—582; 1926—641; 1927—782)⁴. Повидимому, замечает и Б. М. Эйхенбаум, «в истории русской литературы XX века придется отвести особое место отделу переводной беллетристики, как это обычно делается при изучении русской литературы XVIII и нач. XIX в.»³. Спрос рождает предложение. При спешности работы качество ее ухудшается. То-же случилось и с основной массой нашей переводной литературы. В печати все чаще стали отмечать недобросовестные приемы издателей, редакторов, особенно же переводчиков; накопилась целая коллекция переводческих курьезов, появились даже литературные пародии на ремесленные переводы второразрядной европейской беллетристики.⁴ Стали кричать об упадке русского переводческого искусства, о росте макулатурной производительности, которой заваливается книжный рынок. Сам собой, вопрос о принципах и качествах хорошего перевода стал вопросом злободневным и очень часто обсуждаемым. В 1920 году издательство «Всемирная литература», обогатившее русскую литературу большим количеством превосходно исполненных переводов, выпустило специальный сборник статей Ф. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского,—род наставлений и советов для переводчиков в стихах и прозе («Принципы художественного перевода») и этот сборник быстро разошелся в двух изданиях. В 1924 году при Гос. Академии Художественных Наук в Москве образована была специальная «Комиссия техники художественного перевода»⁵, для изучения художественных переводов в теоретическом и историко-литературном планах; аналогичную работу повел также Ленинградский «Гос. Институт Истории Искусств»⁶. В связи с пробуждением интереса к проблеме, за последние годы появился целый ряд посвященных ей работ; некоторые из них имеют описательный характер, вскрывая принципы и специфические особенности переводческих приемов у ряда мастеров русского слова; другие освещают вопросы методологии изучения переводческой техники.⁷

Ко всему сказанному мне остается лишь добавить, что как и ни важен и современен этот вопрос во всех областях литературной жизни, но особо важное значение приобретает он в стенах Высшей Школы и именно в занятиях западно-европейской литературой. Механическое усвоение ряда литературных фактов без непосредственного, близкого знакомства слушателей с теми произведениями о которых идет речь в общем курсе, в достаточной мере бесполезно, и всегда грозит превратиться в бесплодную работу памяти. Научная, исследовательская работа должна иметь дело с самим подлинником и навсегда отказаться не только от сомнительных и зачастую ошибочных его пересказов, но даже и от пере-

водов. Но если учесть обычно слабое знакомство широкой студенческой аудитории с иностранными языками, а также и то, что знание одного, двух, много трех европейских языков все равно не устранит необходимости пользоваться переводами с языков менее распространенных, то вопрос о художественном переводе покажется в достаточной степени важным в связи с возможностями правильного понимания и углубленного усвоения курса истории западно-европейской литературы.

Если же преподаватель не всегда в праве требовать от своих слушателей знакомства с подлинником иностранного художественного произведения, то необходимо знать, приступая к систематическому изложению курса, каково состояние русской переводной литературы—удовлетворяют ли русские переводы, хотя бы частично, тем требованиям, какие предъявляет к ним теоретическая постановка проблемы? Возможно ли в наших условиях построение и особенно усвоение курса истории западно-европейской литературы при наличии имеющегося в нашем распоряжении переводного запаса?

Выясняя значение проблемы перевода для нашей современности, для будущих наших занятий, мы поставили себе целый ряд вопросов. Приступим к их разрешению, помня, разумеется, о том, что эта вводная лекция не в состоянии дать исчерпывающие ответы ни на один из них: в лучшем случае, мы сможем лишь наметить пути для их разрешения и возбудить к ним внимание. Нам предстоит в первую очередь ознакомиться с состоянием литературы вопроса о принципах художественного перевода, далее—охарактеризовать главнейшие выводы, к которым пришли отдельные исследования, наконец, остановиться вкратце на истории переводческого искусства в России, чтобы иметь возможность составить себе представление о количестве и качестве имеющихся в нашем распоряжении переводов важнейших памятников западно-европейских литератур.

II.

Вопрос о задачах, качествах, технике перевода имеет весьма значительную давность. С трудностью его удовлетворительного решения столкнулись уже в самые древние времена. Последовательный ряд попыток установления основных принципов, которым надлежит следовать при передаче на чужом языке прозаических и стихотворных текстов, уводит нас к трудам греческих и латинских грамматиков.

Уже в римскую эпоху, когда такое большое значение приобретало усвоение греческих литературных образцов, над этим вопросом задумывались отдельные писатели и теоретики. Так, ему уделяет внимание Гораций в своей «Поэтике» («De arte poetica», 133),

а Цицерон, в одном из своих трактатов («Рассуждение об ораторах» § 14) делает ряд весьма тонких наблюдений на этот счет. напр. относительно того, что переводя с одного языка на другой нужно не пересчитывать слова (*adnumerare*) но взвешивать их (*appendere*⁸). Конечно, не во всякую историческую эпоху одинаково чутко относились к постановке и решению этой проблемы. В средние века напр., при том интернациональном языке, роль которого играл язык латинский, он не мог иметь столь выдающегося значения, как прежде и позднее, хотя с ним и связана была тогда столь кардинальная для этой эпохи проблема, как задача международного распространения текста библии и других религиозных текстов, вот почему он и тогда интересовал филологов и церковных писателей. Так, бл. Иероним, один из влиятельнейших писателей своего времени, прекрасно понимая, какое большое значение для целей религиозных и литературных имеет установление самого принципа перевода, советовал, между прочим, отказаться от буквальных переводов, сильно тогда распространенных, и переводить не от слова до слова, но по смыслу (См. *Ad Ramnathium*: «*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*»): его формулировка запомнилась и создала целую переводческую школу. Другой средневековый ученый, Рожер Бэкон, этот гениальный мыслитель XIII-го века, горячо ратуя в своем «*Opus Majus*» (1267) за необходимость и важность изучения различных европейских языков помимо латинского, жестоко обрушивался на «перевирающих переводчиков» (*mendiciatores*) своего времени, которые «не знают ни науки, ни языков», отчего отдельные переводы, напр. философских творений Аристотеля, настолько искажены, что стали почти недоступны для понимания; таким образом, здесь к переводчику предъявлялись уже довольно большие требования; помимо знания языков, он должен был быть хорошо осведомлен в самом предмете переводимого им сочинения.

В эпоху возрождения интерес к проблеме перевода значительно возрос. К середине XIV-века, с пробуждением интереса к античной литературе, в связи с обособлением и развитием отдельных литературных языков, ростом самостоятельных национальных литератур, благодаря постановке широких задач гуманистической пропаганды—проблема перевода становилась опять злободневной и возбуждала к себе самое пристальное внимание. О различных способах перевода говорит Петрарка в предисловии к своей «Гризельде»: немецкие переводчики ранне-гуманистической эпохи находят нужным оговаривать в своих работах, каким принципам перевода они следуют, доказывать правильность избранного им пути, обсуждать специальные технические вопросы переводческого искусства: чувствуется, что все это имеет общий интерес для читателей и кажется чрезвычайно важным в условиях тогдашней литературной обстановки.

В качестве примера сошлемся здесь на отдельные высказывания Николауса Виле, Эйба или Штейнховеля: Виле защищает буквальные переводы; Штейнховель, напротив, хочет переводить не буквально, но по смыслу: «nit von wort zu wort, sunder von sin zu sin» (вместе с ним и Эйб доказывает необходимость переводить: «nit als gar von worten, sunder nach dem synn und mainung der materien, als sie am verstendlichsten und besten lauten mügen»). И это не простой литературный спор, т. к. от того или другого его решения зависит судьба родной литературы, которая спешит расширить узкие национальные границы, приобщая к себе шедевры иностранных литератур⁹. Тот же интерес к теории перевода мы наблюдаем и во Франции в эпоху возрождения. В XVI-веке, в период настоящего увлечения переводческой деятельностью, здесь создаются уже различные и довольно разработанные теории перевода.¹⁰ В 1540 году напр. целое сочинение на тему «О способе хорошо переводить с одного языка на другой» выпускает известный Этьен Дола, той же теме посвящены отдельные главы в трактате Иохима дю-Белля: «Защита и прославление французского языка» (1549, см. гл. 5, 6) или в поэтиках Тома Себийя и Жака Пелетье (1555).

XVII-ый и XVIII-ый в. в. значительно подвигают вперед изучение интересующей нас проблемы, т. к. в эту эпоху переводческая деятельность не только не ослабляется, но даже усиливается, поскольку к переводам классических писателей все чаще прибавляются теперь переводы с новых языков: усиливаются и крепнут международные литературные сношения. XVIII-век дает уже ряд серьезных теоретических исследований о принципах перевода, в которых учтен и долголетний опыт переводческой деятельности новой Европы, а также приняты во внимание первые успехи в области лингвистических изучений. Назовем здесь напр. работу Хоттингера: «Нечто о новейшей фабрикации переводов из греков и римлян». (J. J. Hottinger. Einiges über die neuesten Übersetzerfabriken der Griechen und Römer», 1782), во многих отношениях предвосхищающую идеи Шлейермахера¹¹ или замечательную для своего времени речь Тайтлера: «Принципы перевода» (Tytler, «Principles of Translation», читанную в Эдинбургской Академии в 1791 году и послужившую предметом долгих дебатов не только в Англии, но и в Германии¹²). К началу XIX-века, филологи, особенно немецкие, подводят уже своего рода итог равнообразным спорам на эту тему. Так, Шлейермахеру принадлежит ставшая классической статья «О различных методах перевода» (1813), около которой группируются интересные наблюдения и высказывания немецких романтиков: Новалиса, бр. Шлегелей и др.¹³ Вскоре Гумбольдт заново поднимает вопрос на основе новых данных философской лингвистики.¹⁴ Теоретический интерес к проблеме не ослабевает и в XIX-столетии, причем немецкие работы в этой обла-

сти стоят на первом плане; таковы напр. работы О. Группе «Искусство немецкого перевода» (1859), Тихо Моммзена «Искусство перевода» (1858, 2-ое издание—1886), Карла Шеффера «О задачах перевода» (1890), Юлиуса Келлера «Границы искусства перевода» (1892)¹⁵ и др.

Современная европейская литература посвященная теории перевода, особенно же исследованию отдельных переводных произведений, переводчиков или целых эпох, школ и направлений переводческого искусства,—поистине необозрима.

Эта маленькая историческая справка имеет в виду показать, как стара проблема, которую мы здесь поднимаем, и как много усилий уже сделано на пути к ее разрешению. Вместе с тем, приведенные примеры,—как ни случайны они,—подтверждают, что накопилось уже не мало разнообразных решений задачи, которые находятся зачастую в резком и явном противоречии между собой. Решения эти не совпадали друг с другом не только в различные исторические эпохи; зачастую в этом вопросе расходились между собой и современники. Даже тогда, когда вопрос прочно стал на почву научного исследования, и отвлеченное теоретизирование заменил эксперимент, он не стал менее сложным; очевидно, для решения его использованы еще не все пути, поставлены еще не все возможные опыты, изучен еще далеко не весь необходимый материал.

Все высказанные по этому поводу взгляды можно, по существу дела, разбить на две основных группы; одна часть теоретиков, критиков, литературных практиков уже издавна доказывает невозможность перевода с одного языка на другой;—другая, признавая его неисчислимые трудности, ищет вместе с тем наилучших способов для более или менее удовлетворительного решения непосильной задачи.

Еще Данте в своем «Пире» говорил о невозможности безболезненного для художественных достоинств произведения перевода его на другой язык: «Пусть каждый знает, что ничто заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести».¹⁶ 500 лет спустя сходную мысль высказал Шелли в своей «Защите поэзии»: «Язык поэтов всегда стремился к известному рода однообразному и гармоничному повторению звуков, без чего он не был бы поэзией, и что вряд ли менее необходимо для сообщения ее влияния, чем самые слова, взятые вне отношения к этому особому порядку. Отсюда бесплодность всякого перевода; стремиться перелить создания поэта с одного языка на другой столь же разумно как бросить фиалку в тигель, с целью открыть основной источник ее цвета и запаха. Растение должно

возникнуть вновь из собственного семени или оно не даст цветка,—в этом и заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков». ¹⁷ Такой взгляд находит в себе многочисленных сторонников и поныне. Напр. Ю. Келлер, стоящий на той же позиции, в упомянутой выше работе своей «О границах искусства перевода» обосновывает ее достаточно вескими доводами. ¹⁸ Переводу, полагает он, поддаются только логические основы суждения; в выражении их этого соответствия достигнуть нельзя; вот почему, по его мнению, возможны и необходимы только переводы научных сочинений, но и то при условии специально-выработанной и строго-установленной международной научной терминологии; все же, что носит у нас название художественных переводов, является лишь более или менее удачной подделкой под невоспроизводимый оригинал. Перевод, вообще говоря, был бы делом нетрудным, если бы различные языки представляли бы собою комплексы различных обозначений одного и того же содержания. Но в том то и дело, что хотя перед всеми людьми и открывается один и тот же внешний мир, но в различных языках обозначение одних и тех же предметов различны не только по своей форме, но и по своему содержанию. Между внешней и в внутренней формой слова существует теснейшая связь: именно об этом говорит и Шелли, предвосхищая выводы будущей лингвистики. Интересно, что тонкое поэтическое чутье помогло и русскому поэту А. А. Фету сделать аналогичное наблюдение и обосновать свою точку зрения на слово, как на организм, и свою теорию различия будничного и поэтического языка задолго до того, как, явления того же порядка констатировал А. А. Потебня в своей книге «Мысль и язык». В статье 1867 года Фет бросает, между прочим, следующее любопытное наблюдение: ¹⁹ «при выражении будничных потребностей сказать-ли: «Ich will nach der Stadt» или «Я хочу в город» математически одно и то же. Но в песне, то обстоятельство, что *die Stadt steht a* город городится—может обнажить целую бездну между этими двумя представлениями». Если, таким образом, даже в одном и том же языке тоже самое слово получает разную смысловую окраску в зависимости от цели той фразы, в которую оно вставлено и от его ближайшего словесного окружения, то естественно, что смысловая окраска слова резко изменяется в переводе. Замените один ряд звуков другим и содержание слова изменится. «Если слово одного языка не покрывает слово другого, говорит по этому поводу А. А. Потебня, то тем менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; роль их исчезает при переводе; остроты непередаваемы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника». ²⁰ У известного русского лексикографа и беллетриста В. Даля приведен любопытный анекдот, цель которого показать, что то, что невоз-

можно высказать на одном языке, просто высказывается на другом: «Заезжий грек сидел у моря, что-то напевал про себя и потом слезно заплакал. Случившийся при этом русский попросил перевести песню; грек перевел: «сидела птица, не знаю как ее звать по русски, сидела она на горе, долго сидела, махнула крылом, полетела далеко, далеко, через лес, далеко полетела»... И все тут. По-русски не выходит ничего, а по гречески очень жалко». ²¹

Морис Беринг, в своих «Landmarks in Russian Literature», указывая на переделку Крылова из Лафонтена: «Два голубя», замечает, между прочим, что в ней есть стих, абсолютно непереводимый ни на какой язык:

Не видели они как время пролетало;
Бывало грустно им, но скучно не бывало...

«Немыслимо на английский перевести слово «скучно» так, чтобы оно было поэтично («скучно» переводится boring—абсолютно непоэтичное выражение, заменяемое в стихах парафразами). А по русски можно, так как слово «скучно» несколько не менее поэтично, чем слово «грустно». ²² (Ср. у Лермонтова: «И скучно и грустно»...) «Мысль подлинника не могла бы образоваться без своей словесной формы, составляющей часть содержания. Мысль, переданная на другом языке, сравнительно с фиктивным отвлеченным ее состоянием, получает новые прибавки, несущественные лишь с точки зрения ее первоначальной формы» (Потебня), ²³ но очень существенные в том смысловом комплексе, какие представляют собой отдельные фразы и составляемые из них отдельные произведения литературы. Таким образом, затруднительность и сложность задачи даже простейших переводов с одного языка на другой очевидна. Отдельные слова передаются на чужом языке с трудом. Как казалось бы просто перевести древне-греческое слово Βοῦς (вол) и различные производные от него! В действительности же оно прямо непереводаемо: «где грек видел стройное животное с широким лбом, гладкой шерстью и украшением рогов, образ красоты и силы, там мы видим глупое жвачное животное. Может ли после этого эпитет «волоокая», каким наделял грек свою верховную богиню хотя бы приблизительно соответствовать нашим представлениям»? ²⁴ Пойдем дальше: если напр., переводя какое нибудь греческое сочинение мы, подражая характеру греческого языка, постоянно будем связывать свою речь союзом «но», то это произведет на наших читателей странное впечатление, какое вовсе не производило на греков частое употребление союза «ὃς»; ²⁵ не все слова подлинника должны и могут быть переведены,—по простой причине исключаются напр., из перевода определенные члены der, die, le, и т. д. (если они отсутствуют в языке, на который делается перевод), но они вставляются в него в обратном случае; в

переводах стихотворных—вставки или утраты отдельных слов, даже столь маленьких, могут изменить ритм, нарушить самую стихотворную форму. Таким образом, все усилия переводчика сохранить верность подлиннику все равно обречены на неудачу. «Пусть переводчик стремится сохранить все особенности подлинника: этим он внесет в свой перевод элемент, чуждый для его читателей, т. е. нечто такое, чего нет в произведении по отношению к читателям оригинала. Если же прибегнуть к обратному приему, заменив чужое чемнибудь таким, что произвело бы на нас такое же приблизительное впечатление, какое испытывали читатели оригинала, то во всяком случае часть первоначального впечатления должна будет исчезнуть и зато непременно будет внесено в перевод нечто новое, не соответствующее тому впечатлению какое производилось на читателей подлинника». Здесь мы встречаемся с вопросом о т. наз. национализации подлинника в переводе. Возьмем несколько примеров из русской переводной литературы. Русский перевод центрального эпизода приписываемого Петронию романа «Сатирикон»—«Ужин у Тримальхиона» сделан И. П. Холодяком в стиле русской простонародной сказовой речи²⁶; он сильно уснащен русскими прибаутками, присловиями, словесной буффонадой на русский манер. Сам по себе перевод этого произведения представлялся делом огромной трудности, благодаря разнообразию стилистических планов подлинника; переводчик своеобразно вышел из затруднения, рассчитывая свой перевод, вероятно, на читателя совершенно чуждого античному миру, и в результате «Ужин у Тримальхиона» воспринимается как ярко-национальное, притом близкое к нам по времени произведение русской литературы: мы забываем о подлиннике, эпохе его создания (I-й в. по Р. X.) его предполагаемом авторе. Национализация применена здесь в переводе, как сознательный технический прием; зачастую она бывает бессознательной; так Минаев и особенно Лихачев в своих переводах Мольера не могли избежать влияния Грибоедовского стиха²⁷. (Вот как, напр., говорит Дамис в «Тартюфе»: «Ах, батюшка! Лишь вас недоставало! Пожалуйте поближе: есть у нас новинка свежая для вас»...) Герои Дикенса в переводах Иринарха Введенского особенно «Записок Пиквикского клуба» говорят языком русской натуральной повести 40-х г. Перед нами не английская провинция, но Россия гоголевских времен. В Амфитеатровском переводе «Мандрагоры» Макиавелли²⁸ мы непрерывно наталкиваемся на такие выражения как: расчухал, взбулгачил весь дом, скостил; avere un figlio in braccio—держать младенца на руках переведено:—тетешкать дитяню. Здесь не было никакой необходимости в такой явной руссификации текста и блестящая комедия эпохи Возрождения, благодаря этому, явно потеряла значительную долю своего чисто итальянского изящества. На ряду с национализацией, в поисках наилучших способов передачи своеобразия

разного по своей стилистической структуре иностранного текста, переводчики прибегают иногда также к приему архаизации. Интересную в этом отношении попытку представляет перевод «Озорных сказок» Бальзака, сделанный Федором Сологубом (П. 1920)²⁹. «Contes drôlatiques», одно из своеобразнейших произведений Бальзака, этого крупного мастера французской прозы XIX ст., написано, ради эффектов старо-французской речи, языком романов Рабля,—но эта тонкая стилизация имеет громадное значение и для содержания произведения, потому что Бальзак воспроизводит здесь не только словесную форму, но и весь дух и тон столь близкого себе пантагрюэлистического мирозерцания; написанные на современном, а не на средне-французском языке (XVI-го века), новеллы Бальзака показались бы грязными и плоскими. Вот почему задача перевода этого произведения была ответственной и крайне сложной. Ф. Сологуб перевел новеллы в стиле наших повестей допетровской эпохи, подменив один стилистический план другим. Эффект был достигнут, но быть может слишком дорогой ценой: ощущение подлинника исчезло, потому что скрылась во тьме тень Рабля. Можно сказать, что, вообще, всякие попытки переводить произведения, даже относящиеся к отдаленной эпохе, на совершенно устаревший язык, отзываются чем-то искусственным и редко бывают удачны. В подобных случаях допустимо, пожалуй, и то в должных границах, и с необходимой сдержанностью, расбрасывать в тексте отдельные старинные обороты речи, чтобы вызвать этим легкое эхо прошедших времен. Все «творческое в области языка»—sprachlich Schöpferische всегда связано с языковой культурой того времени, в которое творится произведение слова. В тех случаях, напр., когда средне-верхне немецкий эпик прямо упирался в старо-французский текст, он все же был во власти слов и образов своей языковой эпохи; немецкие поэты эпохи барокко переводили латинян, всецело находясь под влиянием той пышной звуковой и словесной волны, которая отличала искусство их времени. Поэт не властен изменить свой поэтический словарь, не в силах отказаться от завещанных ему его эпохой лексического запаса и стилистических шаблонов. Вот почему все попытки передать в переводе впечатления старинного подлинника едва-ли законны. В таком случае едва-ли не просто утрачивается возможность переводить художественные произведения старых времен: смещение стилистических планов, разнообразные замены, новшества и переделки извратят передачу подлинника, нарушат цельную картину, подменят одно впечатление другим. Рассматривая даже удачнейшие переводы мировых классиков, невольно вспоминаешь при этом пушкинские стихи:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.

Таким образом, отрывая художественное произведение от той почвы, на которой оно возросло, перерождая его, навязывая ему не свойственные ему элементы, приспособляя его к пониманию в новой общественной, литературной, наконец, языковой среде, мы наносим ему жестокий вред. Адекватность, полное тождество с подлинником все равно никогда недостижимы. Всегда останется справедливым замечание Сервантеса, брошенное им в «Дон-Кихоте»: «переводы, говорит он, напоминают обратную сторону фландрских обоев: видны те же нити, что и на противоположной стороне, но вследствие бесчисленного множества хотя и незначительных в отдельности уклонений, узор на обратной стороне бывает не так красив, как на лицевой». Монтескье сравнивал переводы с монетами из серебра и меди, равной стоимости, но далеко не одинаковые по красоте и изяществу чеканки. Августу Шлегелю, не мало потрудившемуся в области переводческой деятельности (вспомним его знаменитые переводы Шекспира) принадлежит известное уподобление перевода смертному поединку, в который переводчик вступает с творцом оригинала и который неизбежно должен кончиться гибелью одного из вступивших в бой. И так теоретики, практики, философы, лингвисты, поэты, давно уже констатировали, в сущности одно и то же: невозможность перевода, непередаваемость произведения на чужом языке. Отсюда пессимистические настроения отдельных исследователей. Так, проф. Д. К. Петров, рецензируя «Божественную Комедию» Данте в переводе О. Н. Чюминой, писал между прочим: «Когда раздумываешь о переводах некоторых произведений, в голову невольно приходит парадокс: лучше бы их вовсе не переводить. И эта мысль кажется нелепой только на первый взгляд. Работа переводчика так трудна, требует столько знаний и любовного проникновения в предмет! И как часто она не удается! Как много переводов, искажающих смысл и поэзию оригинала! Не лучше ли уединенному любителю поэзии взять на себя труд выучиться чужому языку, одолеть любимое произведение в подлиннике, целиком и основательно овладеть им? Не легче-ли, не плодотворнее-ли этот труд, чем труд переводчика, который при наилучших условиях дает лишь неточную копию?»³⁰

Не думаю, чтобы такая точка зрения была правильной. Едва ли она могла бы и вас удовлетворить. Как ни велики и разнообразны трудности перевода, стоящие перед человеком, серьезно относящимся к своей задаче,—перевод, как одно из орудий культуры, неизбежен и необходим. Во все времена он играл могучую роль в деле интеллектуального сближения между народами. На переводах учились литературному творчеству, технике писательского ремесла. (Так, Лесаж, известный автор «Хромого беса» и «Жиль-блаза» начал свою деятельность в качестве переводчика произведений испанской литературы и как бы невзначай из переводчика

сделался самостоятельным автором, при обработке романа Лунса де-Гевары—«El Diablo sojuelo»), переводы помогали выработке литературной речи, обогащая общую сокровищницу языка и даже обиходный разговорный язык, пуская в обращение новые слова и обороты речи*. Словом, культурная роль перевода несомненна и не подлежит спору. Задача исследования, таким образом, заключается в том, чтобы наметить наиболее правильные пути для решения сложной проблемы, осмыслить, обосновать и регламентировать отдельные приемы переводческой техники, как наиболее удовлетворяющие целям иноязычного воссоздания произведения художественной литературы.

III.

Следует прежде всего заметить, что не во всех случаях перевод является действительно неразрешимой задачей. Перевод научных сочинений, как уже было сказано выше, много легче перевода произведений художественной литературы. Прозаическое произведение иной раз (но далеко не во всех случаях) легче поддается переводу, чем произведение стихотворное. Но и в последнем случае степень трудности, предъявляемая переводчику поэтическим текстом, может быть различна в зависимости от разнообразных причин. Чем более отдалено от нас переводимое произведение (исторически или географически), чем резче различия языковых систем подлинника и предполагаемого перевода, чем более чуждым для нас кажется лексика, синтаксис, ритм, система поэтических образов оригинального текста, тем, естественно, затруднительнее передать его на чужом для него языке. Переводы произведений восточных литератур, конечно, много труднее, чем напр. переводы произведений написанных на современных западно-европейских языках. Понятны напр. неисчислимы трудности для перевода на русский язык какого либо памятника китайской классической прозы, с уточненной изысканностью и ученой напряженностью его стиля, где «целые фразы представляют собой сплошной намек, а остроумие заключено в двойном смысле каждого слова». И тем не менее, превосходные переводы из Ляо-Чжая В. М. Алексеева далеко не производят на нас смешного или странного впечатления,

* Так, по отношению к немецкому языку G. Gelosi³¹ указывает на целый ряд слов и оборотов речи, которые происшедшем своим обязаны переводческой деятельности. Так напр., слово *Heissporn* стало употребляться только после Шлегелевского перевода Шекспира; это немецкая аналогия к английскому *Hotspur*, «высокая шпора», прозвищу Перси в «Генрихе IV». Переносное значение слова «*Steckenpferd*» — «конек» получило право гражданства в 70-е годы XVIII века, благодаря многочисленным переводам «Тристрама Шанди» Стерна: на первых страницах Стерн говорит о *hobby horse* своего героя. Общеизвестно, какую громадную роль играл перевод для выработки русского литературного языка в XVIII-м столетии.

как ни трудным казалось «воссоздать оригинал во всей его красе, протянуть от своих слов к их родникам те же нити, что протягивает гениальный вигаец»³²—все трудности победили тонкий вкус и совершенное звание. Трудно, вообще говоря, представить себе материал, более ковкий и плавкий, чем человеческое слово. Как, в сущности, сложны и ответственны переводы произведений античной литературы, отдаленной от нас не территориально, но исторически—громадными напластованиями времени! А между тем, как много и в русской литературе превосходных переводов классических поэтов, драматургов, прозаиков—напомним здесь имена Пушкина, Гнедича, Жуковского, Фета, Инн. Анненского, Вячеслава Иванова... Отступления, вольности, приспособления разного рода здесь, конечно, неизбежны... Фет, напр. переводит лирические произведения Горация рифмованными стихами, хотя древние рифмой почти не пользовались. Рифмованными же стихами сделаны Л. А. Меем известные переводы шести идиллий Феокрита. «Но как иначе можно было бы передать по русски произведения античной лиры—песни, музыку речи, с определенным, часто весьма причудливым метром?—говорит по этому поводу И. В. Помяловский»³³. В наших условиях это достижимо только при помощи рифмы. Строгий филолог не осудит его (Фета) за такое отступление, а образованный читатель поставит ему это даже в заслугу». Сам Фет, горячо защищая стихотворные переводы классических поэтов, вместо прозаических, которые рекомендованы были иными из критиков (в предисловии к переводу «Энеиды» Фет говорит, что «совет переводить прозой поэта должен быть прямо поставлен в одну категорию с другим: обеспечить себя при перевозке мраморной статуи из одного музея в другой, переделав ее на месте отправления в известку, и таким образом сохранить ее от всяких случайностей перевозки»), настаивал между прочим на том, что там, где в подлиннике размер, которого у нас нет, «которому мы не только не в силах подражать, но даже спорим о законах движения этого стиха», там спасает дело рифма, «внося то движение, которое бы окончательно утратилось при попытке перевода невозможным у нас размером»³⁴. На этом основании Фет перевел даже «Кубышку» («Anulularia»),—комедию Плавта «грибоедовским стихом с рифмами»³⁵. Можно было-бы привести не мало примеров того, что передача иностранного текста на чужом языке не может быть сделана без применения специфических стилистических приемов, порою совершенно отличных от тех, при помощи которых построен подлинник. Приводя выше, наудачу выбранные, некоторые из них, мы имели в виду показать недостижимость адекватности перевода с подлинником. Но если у перевода нет других способов для передачи отдельных стилистических приемов оригинала, как применение аналогичных, сходных приемов,—допустимо-ли тогда пользование ими? Насколько закон-

ны их поиски? На этот вопрос может быть только один ответ: все возможные отступления от подлинника, все неизбежные в переводах замены одних приемов другими имеют значение не сами по себе, но в зависимости от тех функций, какие выполняет тот или иной перевод. Переводы могут иметь различное назначение, могут обращаться к разнообразным читательским группам. В зависимости от различных целей, каким служит перевод, меняются и предъявляемые к нему требования, меняется и его основная стилистическая структура. Так, буквальные или так называемые «подстрочные» переводы сохраняют свое значение в качестве учебных пособий при изучении подлинника, но выполнять функции переводов художественных, «заменяющих» подлинник, они, конечно, не могут. Для филолога-литературоведа, нуждающегося в литературном памятнике, как материале для исследования, даже самые совершенные в художественном отношении переводы выполняют роль лишь подсобных источников, помогающих изучению. Но средний читатель, подходящий к литературному произведению с иными целями и запросами, не нуждается в соблюдении буквальной, дословной точности перевода, не разберется в тонкостях словарных и стилистических отличий перевода от подлинника, не имея последнего перед глазами, и как бы забывая о его существовании. Он с благодарностью примет всякую лишнюю оговорку, сделанную переводчиком в самом тексте; внушительный же комментарий, педантично отмечающий всевольные и невольные отступления от подлинника, только загрузит книгу, отпугнет от чтения и воспрепятствует получению цельного и непосредственного впечатления. Вот почему, сознательные замены и смещения, допускаемые в переводах, в известном смысле спасительны и необходимы; без них не может обойтись ни один перевод, претендующий на самостоятельную жизнь и литературное значение. Они тем более законны, чем сознательнее произведены, тем необходимее, чем опытнее и привычнее рука, которая их производит. Отсюда и задача теории переводческого искусства заключается в том, чтобы на примерах из литературной истории, из анализа структуры отдельного переводного памятника, извлечь важнейшие правила перевода, наметить наилучшие и оправдывающие себя пути работы.

Оглядываясь назад, в простор мировой истории, учитывая то громадное значение, которое всегда имел художественный перевод, замечаешь, как много, в сущности, переводов достигло той цели, для которой они были предназначены. Во всемирной литературе можно насчитать не мало переводных произведений, которые получили не только самостоятельное значение, но даже и своего рода превосходство над подлинником. Изучение таких переводов чрезвычайно поучительно. Но принципы перевода менялись—одна избранная система, господствовавшая в ту или иную эпоху, в другую уже переставала удовлетворять своих читателей и признава-

лась ошибочной. Переводы, считавшиеся образцовыми, вновь признавались неудачными; поэтому, повторные переводы одних и тех же произведений—не редкость. Вокруг немецких переводов Шекспира выросла напр. значительная критическая литература, и несмотря на их многочисленность, вновь и вновь чувствуется потребность перелить в новые словесные формы произведения великого британца; сотни переводов «Божественной комедии» Данте на все европейские языки не устранили порывов к новым состязаниям на переводческом поприще. Изучение этих состязаний также составляет весьма благодарную задачу исследования, из которого и теория перевода может извлечь не мало ценного для себя фактического материала. Трудями отдельных исследователей такой материал уже в значительной степени накоплен; подсказываются отдельные выводы.

Старые теоретики говорили о двух типах переводов: точном и неточном, стремящихся воспроизвести все особенности подлинника или, напротив, пассивно относящихся к этой задаче. Такое деление условно и ничего не объясняет, поскольку понятие точности перевода является также понятием весьма условным и относительным. Т. к. важнейшим признаком всякого перевода является его язык и стиль, то именно на этом признаке и удобнее всего обосновать деление. Оглядываясь на историю переводческого искусства, Тихо Моммзен³⁶ устанавливает три наиболее распространенных типа переводов: 1) бесстильный перевод (*die stillose Übersetzung*), когда сохранена точная передача смысла, но не сохранена форма оригинала. Таковы английские переводы XVI века, переводы Опица (XVII в.) из Софокла и Сенеки; сюда же можно отнести и более позднего автора—Виланда, с его переводами «Эпистол» Горация, и А. Попа с его английской «Илиадой» 2) Самостоятельная обработка произведения в иностранном стиле (*Die Originaldichtung im fremden Stil*), — в тех случаях, когда чужеземный колорит сохраняет только форма переведенного произведения, содержание же его подверглось некоторым преспособлениям в целях приближения произведения к иному кругу читателей. Моммзен оговаривается, что и здесь полная тождественность формы перевода и подлинника также недостижима: так, немецкий александрийский стих отличается от французского, гексаметр Клопштока не похож на гомеровский, трохей Гердера («Сид») мало сходны с испанскими и т. д. 3) Перевод строгий, стилистически приспособленный для передачи иностранного подлинника (*die strenge oder stilhafte Übersetzung*), в котором и содержание и форма иностранного подлинника передаются по возможности точно и понятно для иноземных читателей. Этот способ, по мнению Моммзена, еще очень молодой: первыми немецкими опытами переводов данного типа можно считать: 15 од Горация в переводе

Раммера (1769), немецкий перевод «Одиссея» Фосса (1781), далее «Голоса народов» Гердера, Шлегелевские переводы Шекспира и замечательный перевод Эсхиловского «Агамемнона», сделанный В. Гумбольдтом; именно этот способ Моммзен склонен считать наилучшим и поэтому он особенно горячо рекомендует его переводчикам.

«Самым примитивным видом перевода можно признать тот способ, который в середине века применялся к Аристотелю и другим авторам, и который мы встречаем в древности в большинстве переводов Библии; оригинал переводится слово в слово, без всяких пропусков. Как раз наоборот поступали римляне: греческие тексты они передавали на латинский язык совершенно свободно. (Таков напр. перевод Платона, сделанный Цицероном). «Не добиваясь абсолютной тождественности, они стремились только к одинаковому впечатлению по силе и красоте; так как при этом они не обращали внимания на аттическую тонкость и сжатость стиля, то все выходило у них грубее, что видно и у Цицерона сравнительно с Демосфеном и у Горация сравнительно с Алкеем. Главным образом они имели ввиду развитие и обогащение родного языка, как это высказывает и сам Цицерон, где он говорит о своих переводах». («De optimo genere oratorum») ³⁷.

Подобный метод перевода, по наблюдению Ф. Батюшкова, господствует тогда «когда переводчик принадлежал к народности, стоявшей или мнившей себя выше в художественном развитии другого народа, у которого заимствуется подлинник». Тогда — «неточность перевода возводилась в принцип». Очень показателен в этом отношении французский XVIII век: «В ту пору французы полагали, что они обладают подлинным хорошим вкусом, что они одни знают надлежащие правила художественного творчества, и несколько свысока смотрели на произведения иностранной литературы, признавая их качества со стороны замысла отдельных положений, верного изображения движений человеческой души, но считая их неудовлетворительными по форме и по стилю» ³⁸. Известны отзывы хотя-бы Вольтера о «диком, варварском гении Шекспира», которого переводили с осторожностью, перерабатывая и исправляя на свой лад. Следующее признание Дидро служит характерным показателем того, как понимались тогда задачи переводчика: «мне теперь остается только сказать, как я отнесся к книге Шефтсбюри: я прочел ее раз и другой, проникся ее духом; затем я закрыл книгу и приступил к переводу» («Essai sur le mérite et la vertu») ³⁹. «Рабская верность есть порок», — говорит Флориан в своем переводе «Дон-Кихота» Сервантеса. — В «Дон-Кихоте» встречаются излишки, черты худого вкуса, — для чего их не выбросить? Когда переводить роман и тому подобное, то самый приятный перевод есть, конечно, и самый верный» «Quand on traduit un ouvrage d'agrément, la traduction la plus agreable est à

coup sûr la plus fidèle». Французский переводчик «Клариссы» Ричардсона—Прево настаивал на том, что переводчик имеет право прилагать все усилия, чтобы «понравиться своим читателям», переводчик Стерна-Френэ заявлял в предисловии, что, находя шутки и остроты английского писателя неудачными, он счел нужным заменить их своими⁴¹. Недаром эта система перевода получила название французской. Ее усвоили у нас Жуковский, отчасти и Карамзин, который в качестве эпиграфа для своего «Пантеона иностранной словесности» взял стихи Лебрена, в которых есть, между прочим, такие слова:

«Qui suit pas à pas son auteur,
N'est qu' un valet qui suit son maître...

(Кто шаг за шагом следует за своим автором,
Тот является только слугой, следующим за
своим господином)⁴².

Немецкие романтики, в первую очередь Авг. Шлегель, резко возражали против такой системы перевода, предавая осуждению «беспощадное извращение подлинника». Следует как можно строже придерживаться и «духа и содержания внешней формы подлинника»: всего необходимее «отречься от своей самостоятельности». «По мнению Шлегеля,—переводчик не должен сглаживать никаких характеристических различий в форме изложения: он должен, по мере возможности, передавать все красоты чужой поэзии, ничего к ним не прибавляя и даже не исправляя шероховатостей слога. Переводчику бывает не легко соблюдать такую верность передачи, потому что ему приходится прибегать к самому вольному употреблению немецкого языка, но его перевод ни в коем случае не должен быть неизящным. Лучше пропустить ту мелочную подробность, которая не поддается переводу, чем позволять себе перифразировку. Не всегда можно переводить один стих вслед за другим, но после такого отступления надо немедленно снова идти шаг за шагом вслед за автором»⁴³... Таков именно способ, рекомендуемый Тихо Моммзенем, а вслед за ним и другими исследователями и писателями. По словам Ф. Батюшкова, подобные переводы возможны только «при одинаковой степени интеллектуального развития двух народов, что предполагает и достаточную образованность для понимания отличий своего от чужого»; в этих случаях принципом художественного перевода и является «стремление передать не только точный смысл подлинника, но, по возможности соблюсти и форму, подыскивая ей художественное выражение»⁴⁴. Излишне как будто доказывать неудовлетворительность первых двух принципов художественного перевода, сыгравших свою служебную роль в истории; мы знаем, что с половины XIX века во всех литературах запада переводчики руководству-

ются третьим принципом, доказывая на разные лады, что от художественного перевода мы вправе требовать не только точной передачи смысла, но и воспроизведения многообразных оттенков речи, всех особенностей стиля подлинника, впечатления, однородного с тем, которое в данной среде производит оригинальный текст. Но вопрос о том, как это сделать, в конце концов приводит к тупику. Это тайна творчества, говорят нам, т. к. художественный перевод есть также один из видов словесного мастерства, творчество виртуоза, вдохновляемого чужим замыслом; механизм этого творческого акта изучен еще недостаточно, вот почему переводчику трудно указать безусловные правила, которыми он должен руководствоваться при выполнении своей сложной задачи... Все это так, но при решении этого вопроса забывают, обыкновенно, об одном: что всякий перевод имеет свое специальное назначение и его характер неизбежно изменяется в зависимости от изменения его функции. Вот почему, я не рискнул бы вслед за Моммзенем, Батюшковым и другими настаивать на определенном решении задачи... Хорош и нужен тот перевод, который удачно выполняет поставленные себе цели: «Работа переводчика, говорит А. Федоров, принимает в каждом отдельном случае различное направление — в зависимости от целого ряда обстоятельств—от факта переводимого произведения, от характера языка, на который делается перевод, от тех требований которые предъявляются к переводу в данную эпоху, от тех задач, которые ставит себе переводчик и от тех художественных средств, которыми он располагает. При оценке переводного произведения должны быть учтены все условия. Иначе нельзя будет установить взгляд на перевод и на переводную литературу»⁴⁵. При решении вопроса, каким должен быть художественный перевод, прибавим мы, следует учитывать те же многообразные условия. Установление каких либо специфических норм, законов переводческого искусства было бы для него самого вредным в достаточной мере; принятые на себя обязательства затрудняли бы переводческую деятельность... Переводы, ориентирующиеся на родной язык, избегающие всякой чужеземности, имеющие тенденцию передать переводу специфически-национальную окраску столь же нужны, как и переводы, ориентирующиеся на чужеземный язык, и «переводы сглаживающие»—«без сохранения национально-языковых и предметных особенностей подлинника, но также без ввода специфических черт того языка, на который переводится произведение» (термины и формулировка А. Федорова). Каждый из них должен обращаться к специальной группе читателей. Деление читателей по социальному и профессиональному признаку в данном случае совершенно необходимо. Только полный учет требований, предъявляемых каждой из этих групп в отдельности, только основательное знакомство с психологическими особенностями отдельных читательских групп, дает возможность установить некоторые

основные принципы для переводчиков. Вот почему и изучение теории перевода должно бы пойти теперь несколько иным путем, чем оно шло раньше: на-ряду с изучением переводческой техники отдельных авторов, мы должны были бы экспериментальным путем изучать психологию восприятия перевода. Первые опыты в этом направлении уже сделаны, но они еще далеко недостаточны; укажем напр. на интереснейшую работу G. v. Wartenleben'a («Beiträge zur Psychologie des Übersetzens», 1910)⁴⁶. В одном из берлинских научных обществ Max Kuttner недавно докладывал о своих опытах в той же области⁴⁷. Идя в этом направлении, но переместив эксперимент от лиц, производящих перевод, к лицам, его воспринимающим, мы получим несомненно интереснейшие данные, которые позволят по новому осветить интересующую нас проблему.

Итак—перевод возможен и необходим. Количество переводной литературы всегда является показателем культурного уровня данного народа. Нам предстоит ответить теперь на вопрос о качестве и количестве русской переводной литературы.

IV.

Среди западно-европейских народностей,—замечает Ф. Батшков —лучшими переводчиками по праву считаются немцы. Большинство немецких переводов вполне надежно, некоторые превосходят. Это зависит от многих условий: черта добросовестности в работе, вообще, присуща этой нации; образованность и стремление к образованию велики; язык богатый, гибкий, по способности к новым словообразованиям, свободный в том смысле, что он не скован слишком строгими академическими правилами. Французы не без зависти говорят о «liberté allemande» т. е. французский язык наоборот, за три века подвергся очень строгой регламентации. Он настолько разработан, зафиксирован, так сильно влияние классических образцов еще XVII века, по которым французы учатся своему языку, что крайне затруднительно его применение при передаче чужого склада мышления»⁴⁸. Подобное наблюдение сделал еще Пушкин в критической статье по поводу Шатобрианова перевода «Потерянного Рая» Мильтона. И во французской литературе, конечно, можно найти не мало превосходных переводов, сделанных большими мастерами слова; таковы, напр. переводы Жерар де Нерваля из Гете, замечательное по своему проникновению в дух подлинника переводы Бодлера и Ст. Малларме из Эдгара По, переводы древних, сделанные поэтами парнасской школы с Леконт де-Лилем во главе. Но характерно, что лучшие из этих переводов—прозаические, напр. «Илиада»—Леконт-де-Лилиа или ряд переводов «Божественной Комедии»: специфические особенности французского стихосложения, традиции стилистических

шаблонов служат во Франции большим препятствием для переводческой деятельности и создают порою непреодолимые трудности. В этом сами французы сознаются не без огорчения. «В силу целого ряда причин,—пишет, напр. Амизель в своей антологии иностранной лирики,—наш язык и наше стихосложение наиболее неподатливы для перевода; другими словами, французские переводы являются теми, какие меньше всего считаются с природой и индивидуальными способностями подлинника»⁴⁹. А. Терье в своей статье «О переводе поэтов» также с грустью констатирует, что «насколько иностранцы хорошо знают нашу литературу, вплоть до самых темных ее закоулков, настолько мы плохо осведомлены в иностранной литературе. Редко и с затруднениями читаем мы в подлинниках немецких или английских поэтов: нам, следовательно, больше, чем другим народам, следовало бы при помощи точных переводов знакомиться с шедеврами иностранной поэзии; между тем у нас отсутствуют хорошие антологии, в которых можно было бы найти избранные отрывки из Байрона и Гете, Шелли и Гейне, Китса, Ленау и Уланда,—чтобы назвать здесь лишь важнейшие имена»⁵⁰... Эти слова сказаны в 70-х г. г. XIX века. Конечно, с тех пор многое изменилось; французская литература обогатилась рядом новых переводов, и некоторые из них превосходят, но количество их все же не слишком велико. В несколько лучшем положении находятся англичане, т. к. колониальные интересы английской буржуазии сильно способствовали развитию в Англии лингвистических изучений и накоплению опыта переводческого искусства; но и здесь количество переводов с европейских языков стало сильно расти лишь с 70-80-х годов XIX-столетия⁵¹, и богатства отдельных европейских литератур, напр. славянских, в значительной части не усвоены в Англии еще и поныне.

Русские переводчики находятся в довольно выгодном положении. Русская переводная литература довольно богата: в качестве переводчиков выступали у нас наиболее даровитые деятели нашей словесности; многими переводами вправе гордиться русская литература. Исторические условия вызвали к жизни и наш повышенный интерес к иноземному миру и способность сравнительно легкого усвоения иностранной речевой культуры. Еще академик М. И. Сухомлинов в статье своей о «Языкознании в древней России»⁵² доказывал, что древняя Русь представляла довольно обширное поле для знакомства с иностранными языками. Русь издавна совмещала в себе разноплеменных обитателей, тогда как другая половина Европы населена была преимущественно народами одного племени; следовательно, у русских было и больше причин и больше случаев знакомиться с языками различных народов. Материалы, собранные С. К. Буличем в его «Истории языкознания в России»⁵³, вполне это подтверждают: интерес и способности русских к изучению иностранных языков бросаются в глаза: древней-

шне русские словари—восходят к XI—XII-веку; за ними идут многочисленные «Азбуковники» с их «толькованием иностранных речей». Судя даже по немногочисленным остаткам древнейших памятников русской письменности переводческая деятельность на Руси уже в домонгольскую эпоху была достаточно обширна. С другой стороны Русь была отовсюду открыта постороннему воздействию и влиянию,—что в свою очередь усиливало интерес к переводческой деятельности. Влияния, шедшие к нам с Запада, приблизительно с конца XV века, непрерывно ширились и крепились. Известные труды акад. А. И. Соболевского, посвященные «переводной литературе» Московской Руси XV—XVII вв. дают довольно внушительную картину переводческой деятельности в допетровскую эпоху: космографии, учебники и алхимические трактаты, физиологи, сборники пословиц, рыцарские повести и сочинения по военному делу,—вплоть до схоластических творений средневековых философов (вроде Раймунда Люллия и Альберта Великого),—все это переводилось у нас в довольно большом количестве сначала с западно-славянских языков, потом с латинского и немецкого. Чем ближе подвигаемся мы к XVIII-веку, тем все улучшается качество этих переводов и растет их число. Наконец, широкий простор для переводческой деятельности открывает петровская реформа.

Весь предшествующий ей период в истории русского перевода можно было бы назвать периодом стихийной переводческой деятельности. В Московской Руси в переводах не было никакого плана, системы: переводы зачастую заказывались иностранцам, толмачам из иноземного приказа, плохо владевшим русской речью; язык переводов поэтому был тяжел, а иногда и совсем неудобоварим. Но и русские книжники, если они даже и хорошо знали те языки, с которых переводили, нередко были совсем беспомощны в своих тщетных усилиях передать на славянском языке отдельные иноземные слова и понятия, не говоря уже о трудностях передачи общего строя иностранной речи. Особенно беспомощны были они в передаче отвлеченных философских понятий, и в своих переводах соблюдали строгий буквализм, мало заботясь о повторной сверке с переводимым текстом или об установлении единого продуманного принципа своей работы. Самостоятельных школ переводческого искусства, разработанных и осмысленных теорий перевода,—какие были на Западе в эпоху Возрождения,—у нас не было. Отдельные переводчики, в лучшем случае, жаловались на трудность стоявшей перед ними задачи: в этом смысле интересны, напр. переводы Курбского, которые он сопровождал пояснениями на полях, в затруднительных местах текста⁵⁵. Что же касается собственно-художественной литературы, то она не составляла исключения и переводилась столь же беспорядочно и ремесленно: слово играло подсобную роль; не в красоте

стиля, но исключительно в сюжете переводимых авантюрных романов лежал центр внимания читателей.

Но вот пришла новая эпоха. Ломка книжного языка, произведенная Петром, на первых порах внесла еще большую сумятицу в русские переводы начала XVIII-века. Языковые средства переводчиков усилились громадным количеством иностранных слов, вошедших в русскую речь; обилие варваризмов повлекло за собою увлечение иностранной конструкцией фразы; переводить стало как будто легче; накоплялся переводческий опыт. Роль переводов XVIII-в. в истории русского языка еще плохо учтена,⁵⁶ но заранее можно предугадать ее громадное значение: вместе с ростом переводческой деятельности рос новый русский литературный язык; ковались новые формы речи; устанавливался новый лексический и синтаксический строй языка. Этот период в истории русского перевода, начинающийся приблизительно в 30-40-е годы XVIII—в. и обрывающийся к началу XIX-го века, можно было бы назвать опытным периодом, периодом исканий и накопления переводческих навыков. Его открывают А. Кантемир, В. К. Тредьяковский и плодотворные переводчики Академии Наук: Кондратович, Волчков и т. д.⁵⁷ Тредьяковский, между прочим, выражал убеждение, что успех русской словесности зависит от того, насколько усердно российские литераторы, которые «цветут искусством языков», будут переводить «все, что презряднейшее, все что достойнейшее в европейских языках»: сам он, по крайней мере, трудился на этом поприще с несокрушимой энергией.⁵⁸ В предисловии к «Езде на остров любви» Тредьяковский впервые у нас высказал замечательную для своего времени мысль о значении переводчика: «переводчик от творца только именем разнится. Еще донесу вам больше: ежели творец замысловат, то переводчику замысловатее надлежит быть». В этих словах выразилась уже полная ответственность за качество перевода и понимание трудности самой задачи. Ко второй половине XVIII-го века к переводческой деятельности чувствуется такой интерес и такая настоятельная необходимость, что основывается специальное общество переводчиков, содержащееся на государственные средства. Таково «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», основанное в 1768 г. и просуществовавшее до 1783 года.⁵⁹ Классические писатели всех времен и народов тогда переводились отдельно и целыми собраниями в таком огромном количестве, что сотни если не тысячи великих произведений мировой литературы до сих пор имеются у нас только в переводах екатерининского времени. Правда, в огромном большинстве случаев переводы эти оставляли желать много лучшего даже для той эпохи, когда они были сделаны, переводчики зачастую плохо владели и иностранным и русским языком и были недостаточно развиты для понимания переводимого: стихотворные произведения передавались прозой, притом весьма тяжелой; произведения англичан, итальян-

цев, испанцев (в том числе «Дон-Кихот» Сервантеса, вышедший у нас первый раз в 1783 году) переводились обычно с французских переводов, сокращений и переделок, иностранные имена жестоко коверкались и т. д. Но тем не менее непрерывно и неуклонно развивался наш литературный кругозор. Переводные произведения выработывали язык, вызывали подражания и способствовали усвоению отдельных приемов словесного мастерства.⁶⁰

С начала XIX-го века, после карамзинской реформы русской литературной речи, начался третий период в истории русского переводческого искусства: его можно было бы назвать периодом творчества и м. Общий признак этого периода—уверенность и мастерство передачи. Отдельные переводы достигают в эту эпоху значительного совершенства и достаточно близко воспроизводят подлинники; мы имеем от этого времени даже настоящие шедевры переводческого искусства: не существенно при этом, что несколько раз меняются самые принципы перевода—но вопросы о том, каков должен быть хороший перевод, горячо дебатировался в печати, появляются капитальные критические разборы отдельных переводов и, во всяком случае, техника переводческого искусства непрерывно совершенствуется. Будущий историк художественного перевода в России отметит отдельные этапы развития этого последнего периода, продолжающегося до наших дней; так, он несомненно отведет Жуковскому и его переводческой школе почетное место в начале этого периода, но укажет также на то, что русская литература 20-50-х гг. значительно беднее переводами, чем например последние годы XVIII-века. Но зато в это время к переводам относились с редкой серьезностью и добросовестностью. В 60-е годы переводческая деятельность вновь значительно усиливается: увеличивается количество переводов, как научных, так и художественных произведений; однако качество переводов значительно снижается; торопливость умственной жизни мешала приниматься за образцовые переводы обширных поэтических произведений. Переводили много, но плохо: Минаевские переводы различных европейских писателей могут служить весьма ярким примером. Но и в эти годы серьезное направление нашей сцены было причиной ряда прекрасных переводов классиков европейского театра. Шекспир, Кальдерон, Лопе-де-Вега, Мольер, Лессинг и Шиллер вышли в этот период в новых изданиях. В середине 80-х гг. требовательность к переводчикам вновь возрастает. Этот период отмечен успехами научной деятельности на поприще истории западно-европейской литературы (вспомним имя акад. А. Н. Веселовского): возникает интерес к до сих пор не переведенным произведениям старинной европейской литературы: переводчики (некоторые из них вышли из школы Веселовского) соединяют тонкое критическое чутье с хорошим филологическим знанием переводимого памятника. Интересными образцами переводов этого типа является «Песнь о Нибелунгах» Кудряшова, «Калевала» Бель-

ского, «Песнь Роландо» де-ла-Барта. Если сюда прибавить переводы Мольера—Лихачева, Расина—Поливанова, Лопе-де Веги—Юрьева, новые переводы Байрона, Шекспира, Гете, и др. мы получим представление о значительной и продуктивной деятельности переводчиков в эту эпоху. XIX ый век, в общем, дал русской литературе основной переводный запас—почти всех важнейших европейских классиков... О том, с какой добросовестностью и напряжением делались отдельные переводы можно судить хотя бы по следующим примерам. Перевод пятой песни «Ада» Данте, сделанный Д. Е. Мином, помещен в «Москвитянине» за 1844 год; в 1855 году весь «Ад» в переводе Мина вышел отдельным изданием, полное же издание его монументального перевода закончено было только через 50 лет: в 1902 году, уже после смерти автора (1885). Вот исключительный пример трудолюбия и настойчивости: в течении 40 лет русский переводчик трудился над переводом одного только (хотя и грандиозного) произведения! При этом нужно заметить, что он не переставал совершенствовать его. «Издатель его труда, имевший в руках рукописи Мина, свидетельствует, что переводчик обдумывал каждое выражение, каждое слово, немилосердно уничтожая готовый перевод в поисках за лучшим изображением мысли творца «Божественной Комедии». Сопоставляя изд. 1855 и 1902 г. г. легко увидеть характер этой переработки: Так, из 136 стихов I-й песни «Ада» остались неизменными 63, из 142 стихов V-ой песни—30, из 142 стихов XXVI-ой песни—16. Не говорю о перемене отдельных слов и выражений; сплошь и рядом изменялись целые терцины: приходилось жертвовать рифмами».⁶¹ Этот пример не единственный. Над переводом «Фауста» Гете Н. Холодковский трудился свыше 25 лет; первый том его перевода переиздавался с 1878 по 1915 г. одиннадцать раз, второй—пять, и каждый раз в новое издание вносились поправки, замены. ⁶² Столь же долголетни переводческие труды Струговщикова над Гете, А. Соколовского—над Шекспиром. Эти примеры дают представление если не о выдающихся результатах и успехах переводческой деятельности в России во 2-й половине XIX—века, то по крайней мере, о значительности затраченных на нее усилий, редком напряжении и настойчивости, с какой делались отдельные переводы.

Не буду утомлять вас более длинным перечнем. Достаточно сказать, что и XX-ый век принес русской литературе не мало поэтических богатств. Такие переводы — как переводы В. Брюсова (французские лирики), Вяч. Иванова (Петрарка), Иннокентия Анненского (Эврипид), Зелинского (Софокл) и много других—у всех в памяти и не нуждаются в похвалах. Итак, мы прошли многовековую школу переводческого искусства. От первых трудных и неуклюжих попыток разобраться в туманной для русского средневекового ума схоластической терминологии латинских трактатов, от первых смешных потуг приспособить к русским понятиям об-

становку и фразеологию западных рыцарских повестей, через груды неумелых и варварских искажений и переделок западных писателей, мы дошли до полного овладения всеми тайнами переводческого искусства. Некоторые из наших переводов заслуживают специального исследования, как образцовые художественные произведения. За два с лишним века русская литература приобрела себе в собственность значительное количество произведений европейских классиков. Выражением этого утешительного сознания можно было бы и закончить нашу беседу. Но мне казалось бы уместным в заключение ответить на последний из поставленных в начале вопросов: дает ли все же современное состояние русской переводной литературы, не смотря на ее кажущиеся богатства возможность преподавателю словеснику, литературоведу свободно обходиться без подлинников? Достаточен-ли русский переводный запас?

Частично ответ на этот вопрос дан в тех местах нашей беседы, где мы говорили о качествах всякого перевода и его отношении к подлиннику—ответ получился отрицательный. И тот же ответ мы получим из сравнения количества русских переводов с общим числом литературных произведений, с которыми следует ознакомиться, изучая историю западно-европейской литературы. Кое какие подсчеты в этом направлении уже сделаны: так напр. уже Н. Рубакин интересовался вопросом, какие из заслуживающих внимания произведений мировой литературы не переведены еще на русский язык.⁶³ Сделанный им перечень, оказался довольно длинным. Бросается в глаза прежде всего сравнительно небольшое количество переводов древнейших литературных памятников. Из древнейшей немецкой литературы у нас переведены только отрывки (если не считать «Песни о Нибелунгах»): эпохи Ренессанса и Барокко в немецкой поэзии почти не представлены совершенно в русской переводной литературе: мы не имеем переводов из Гриффуса, Гюнтера, Хр. Вейзе, Мошероша, Логау, Опица, Готшеда... Точно так-же средневековая английская литература почти не существует в русском переводе; не говоря уже об англо-саксонском периоде, мы не имеем ни знаменитого «Видения Петра Пахаря» Вильяма Ленгланда, ни произведений Дж. Гауэра, ни хотя бы отрывков из Уиклефа; сам Чосер с его «Кентерберийскими рассказами» и «Романом о розе» остается для нас почти чуждым. Ранний Ренессанс в Англии освещен у нас вообще крайне слабо, а из произведений XV и первой половины XVI века, если не считать «Утопии» Томаса Мора, у нас нет в переводе таких авторов, как Лилли, Спенсер, Ф. Сидней, Грин и Кид; представители классицизма в Англии—А. Поп, Аддисон, Драйден также известны русским читателям лишь по отрывкам, помещенным большею частью в старинных журналах... Переводами из старой французской литературы мы также чрезвычайно бедны: из *chansons de geste* мы знаем собственно только одну: «Песнь о Роланде»; переводы тру-

бадуров и труверов—единичны: фабло—неизвестны почти вовсе; хроника Фруассара и другие памятники французской прозы—не переведены; лирики эпохи Возрождения—Клема Маро, Ронсар, Иоахим дю Белла, Ж. Боден—известны лишь по случайным отрывкам; у нас нет, увы—даже отрывков из «Трагических Песен» Агриппы д'Обинье! Поэты XVII—века неизвестны вовсе. То-же можно было бы сказать и об испанской и итальянской литературах; из двух тысяч драм Лопе де Веги у нас переведено около десятка: громадный период в истории испанской литературы от Сервантеса (к. XVI—в.) до Ларры (нач. XIX—в.) почти не освещен; то-же с великими итальянцами эпохи кватроченто, эпохи заката возрождения, Барокко... Дальнейшие перечисления были бы утомительны, да и бесполезны; желательные для перевода произведения все равно не перечесть... Меньше ощутительных пропусков в литературах XIX-го века, но и здесь порой наталкиваешься на досадные упущения... Нечего и говорить, что наиболее слабо освещены сравнительно более мелкие национальные литературы; так напр. североамериканской литературой заинтересовались у нас совсем недавно, литературу латинской Америки почти совсем не знают; о литературах Португалии, Венгрии и т. д. имеют понятие самое слабое... Каков-же вывод из всего сказанного? Он напрашивается сам собой.

В изучении иностранных литератур желательно, а в иных случаях и необходимо знание иностранных языков. Только оно обеспечит ознакомление со всеми выдающимися произведениями мировой литературы. Никакой перевод никогда не заменит подлинник, хотя существование переводов и пользование ими также необходимо и желательно.

В краткой вступительной лекции я имел возможность коснуться лишь основных линий предложенной темы, несколько не претендуя на исчерпывающую полноту изложения. Но мне хотелось бы кончить уверенностью, что большинство из тех вопросов, которые были сегодня предметом нашего обсуждения, еще встанут перед нами в обстановке более близкой и интимной беседы, что нам удастся лабораторным, опытным путем проверить некоторые из тех положений, которые сейчас были поставлены или только намечены, и что с твердой надеждой на успех мы вместе отправимся в странствования по необозримым и дальним путям мировой литературы, где ждут нас неизвестные и неисследованные области, радость новых открытий и постижений: в последних не малую поддержку окажет нам и художественный перевод.

ПРИМЕЧАНИЯ

I.

1. См. напр. Д. Усов. Русская новейшая литература в Германии, «Искусство» 1927, кн. I, стр. 83-94.

2. Лев Вайсенберг. Переводная литература в Сов. России за 10 лет, «Звезда» 1928 № 6, стр. 110-122.

См. также И. Марцинский. Год переводной беллетристики. «Книгоноша» 1926. № 5, стр. 1-4. Ср., впрочем, для более старого времени: В. Гофман. Наша переводная литература. «Вестник Европы» 1910 № 3, стр. 401-410: «За последние два года на нашем книжном рынке наблюдается необыкновенное обилие переводной литературы. Не будет преувеличением сказать, что сейчас на одну новую оригинальную книгу приходится у нас, по крайней мере десять переводных, а из двадцати прочитываемых русским читателем романов—девятнадцать обязательно иностранного происхождения». Библиографически в русской переводной литературе ориентируют справочники Н. И. Макуева: «Художественная литература русская и переводная 1917-1925. Указатель статей и рецензий» М. 1926; его же «Художественная литература и критика 1926-1928, М. 1929»; В. Тарсис, И. Старцев, С. Урбан, «Современные писатели. М. 1930: в последней книге, к сожалению, много ошибок и опечаток.

3. Б. Эйхенбаум. Вильям Сидней Портер, в книге: О. Генри. Ковбой, пер. В. Азова, стр. 201.

4. Р. Шаро. О переводах и переводчиках «Печать и Революция» 1926 кн. I, стр. 130-136; А. Федоров. О современном переводе. «Звезда», 1929, № 9, стр. 185-192. Любопытной и остроумно-осуществленной пародией на переводную беллетристику является повесть некоего Пьера Дюмьеда. Красавица с острова Люлю, Изд. «Круг», М. 1926. Ср. рецензию Ю. Данилина «Новый Мир» 1926 кн. XI, стр. 184.

5. Государственная Академия Художественных Наук. Отчет 1921-1925. М. 1926 стр. 29.

6. Государственный Институт Истории Искусств, 1912-1927, М. 1927, стр. 35.

7. Назовем здесь напр. работы А. В. Федорова: «Проблема стихотворного перевода» («Поэтика» сб. II, 1927); «Звуковая форма поэтического перевода» («Поэтика, сб. IV, 1928), «Русский Гейне» (Сб. «Русская поэзия XIX-в.» Лгр. 1928). А. Финкель. О переводе «Художественная мысль» (Харьков, 1922 № 12): тому же автору принадлежит интересная книжка (по украински): «Теория й практика перекладу». Державне видавництво України. Харків, 1929: с нею я получил возможность ознакомиться, к сожалению, когда настоящая статья была уже в корректуре.

Сборник статей К. Чуковского и А. Федорова, «Искусство перевода» Лгр. 1930; Т. Левит, О переводе. «Вестник Иностранной Литературы», 1930 № 1, стр. 122-130. Ряд появившихся работ посвящен монографическому изучению отдельных памятников переводческого искусства: Таковы напр. статьи о переводах Ф. И. Тютчева: Н. В. Шаров, Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева. «Труды Белорусского Гос. Университета» 1921 №№ 1, 2; Г. Чулков, Тютчев и Гейне, «Искусство» 1923 № 1; Г. Чулков, Переводы Тютчева из «Фауста» Гете, «Искусство» 1827, т. III в. 2-3; К. Пигарев, Тютчев—переводчик Гете. «Уrania». Тютчевский Альманах, Лгр. 1928. Его же, Перевод Тютчева из Гюго, «Мураловский сборник» выпуск I, 1928. Началось изучение переводческой деятельности в России в XVIII-ом веке: И. В.

Шаля. К вопросу об языковых средствах переводчиков XVIII ст. «Труды Кубанского Педагогического Института» 1929 т. 2-3, стр. 215-242; Г. А. Гук-ковский. К вопросу о русском классицизме. Составления и переводы. «Поэтика» сб. IV, 1928 и т. д. Более подробно литература указана в приложенных к настоящей статье «Библиографических материалах».

II.

8. Ф. Бласс. Герменевтика и критика. Пер. Л. Воеводского. Одесса, 1891, стр. 129-132. О теории перевода в древности и средние века см. еще: И. Корсунский. Перевод LXX. Его значение в истории греческого яз. и словесности (Троице-Серг. лавра 1897).

9. F. Kraft, Heinrich Steinhövels Verdeutschung der Historia Hierosolymitana der Robertus Monachus. «Quellen und Forschungen» 96 (Strassb. 1905), S. 135, E. Borwitz. Die Übersetzungstechnik Heinrich Steinhövels. «Hermäa» XIII, Halle, 1914, S. 113 ff. 122 ff.; M. Hermann Albrecht von Eyb und die Frühzeit der deutschen Humanismus. Berl. 1893, s. 263, Bruno Strauss, Der Übersetzer Nicolaus von Wyle. Diss Berlin, 1911 s. 7-8. L. Mackensen. Der Zasiusübersetzer Lauterbeck, «Germanisch-Romanische Monatschrift» 1923 XI, s. 305 ff.

10. О французских переводах с греческого и латинского яз. в XIV-XVI в. см. работу Justin Bellanger. Histoire de la traduction en France, Paris, 1892, 2-ое изд. 1903. Старая работа F. Hennebert. Histoire der traducteurs francais d'auteurs grecs et latins pendant le XVI-e et le XVII s., Gand, 1858 дает главным образом сырой материал. О теориях перевода во Франции в XVI-в. см. в книге H. Charnard, Les origines de la poesie française de la Renaissance, Paris, 1920, p. 274-280. Литература подробно указана у G. Lanson, Manuel bibliographique de la litterature française moderne, Paris, 1925, ch. VI: Les traducteurs» (pp. 89-139). См. также недавние русские работы В. Ф. Шишмарева. О переводах Клемана Маро, «Изв. Академии Наук» 1927, № 9-11-12; Е. Н. Боброва. Кл. Маро, как переводчик Петrarки, «Учен. Зап. Саратовского Госуд. Университета» т. VII, в. III, (1929).

11. W. Fränzel, Geschichte d. Übersetzens im 18 Jahrhundert, Leipzig, 1914 S. 156-162.

12. W. Fränzel, op-cit., S. 162-172 Tytler повторяет в значительной степени мысли Кемпелля в его предисловии к английск. переводу евангелия: «Chief Things to be attended to in Treanslating».

13. W. Fränzel. op. cit. Schleiermacher; Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens, в его: «Werke zur Philosophie» Bd. II. Иполев Шлейермахера: Care Sshäfer, Über die Aufgaben des Übersetzens, Erlangen, 1890; Р. Гайм, Романтическая школа, М. 1891, стр. 147-153 (взгляды Авр. Шлегеля). Ряд интересных высказаний Фр. Шлегеля по поводу теории перевода опубликованы недавно J. Körner'ом: Friedrich Schlegels «Philosophie der Philologie» «Logos» 1928, Bd. XVII, H. I, S. 1—72. Ф. Шлегель записывает напр.: «Ob Übersetzungen möglich seyen, darum hat sich niemand bekümmert (S. 42); «Wir wissen noch gar nicht was ein Uebersetzung sey» (S. 38); «Jede Übersetzung ist eine unbestimmte, unendliche Aufgabe (S. 42) и т. д. Сходные мысли высказывал и Новалис (Werke, ed. Minor II, S. 125, 141).

14. W. Fränzel, op. cit. S. 206-211.

15. Willmann. Von der Übersetzungskunst, Köln. 1827; Kautz. Die alten Sprachen und die ästhetische Übersetzungskunst. Arnberg, 1847. O. Gruppe. Deutsche Übersetzungskunst. Mit besonderer Rücksicht auf die Nachbildung antiker Maasse, nebst einer historisch begründeten Lehre von deutscher Silbenmessung, Hannover. 1859; Tycho Mommsen, Die Kunst des Übersetzens fremdsprachlicher Dichtung ins Deutsche, 1858 2-te Aufl. Franf. a. M., 1886 (пер. А. Бiese, Zeitschr. f. vergleich. Literaturgeschichte und Renaissance-Literatur», N. F. II, 1889, S. 488-490); Ehlers. J. Worin besteht die Übersetzungskunst, Lübben, 1871. G. Weck. Principien der Übersetzungskunst. Zug-

leich practisch nachgewieson an einer Übertragung der «Dämon» von Lermontoff-kunst. Zugleich practisch nachgewiesen an einer «Übertragung der «Dämon» von Lermontoff. Breslau, 1876; Julius Keller, Die grenzen d. Übersetzungskunst, Progr. Karlsruhe, 1892, реферат об этой книге: Г. Ф. Шульц, Труды педагогическ. отдела Харьк. Ист. Филологич. Общ., 1893, вып. I, стр. 85-90); Th. Plattner, Die Übersetzung—eine Kunst. «Blätter für höheres Schulwesen» 6, S. 168 ff. G. Lejeune dirichlet—Die Kunst d. Übers. in der Muttersprache. «Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik», 150, S. 157 ff. Wilamowitz moellendorf Was ist Übersetzen? в его книге «Reden und Vorträge»² Berl. 1906, S. 1—26 Scholz. The art of translations. Philadelphia, 1918; Arns, K. Über die Kunst des Übersetzung der englischen Verse. «Zeitschrift für franz. u. englische Unterricht», XX (1921), 1; Postgate. I. P. Translation and Translations: Theory and Practice, London, 1922 (Bell) и т. д.

16. К. Федерн, Данте и его время М. 1911, стр. X.
17. Шелли. Сочинения. Перевод К. Д. Бальмонта, вып. 4, (М. 1896), стр. 83.
18. J. Keller. Op. cit.
19. Ю. Никольский. История одной дружбы. Фет и Полонский «Русск. Мысль» 1917, № 5-6, стр. 107-109.
20. А. Потебня. Мысль и язык. Изд. 3-е, Харьков, 1913, стр. 198.
21. А. Потебня. Там-же, стр. 198-199.
22. Maurice Varing. Landmarks in Russian Literature, London, 1910. Русск. перев. Вехи русской литературы М. 1913, стр. 26.
23. А. Потебня там-же, стр. 198.
24. J. Keller, op. cit.
25. Ф. Бласс. Герменевтика и критика, стр. 131-132.
26. «Ужин у Тримальяна». Филологическое обозрение», 1899, т. XVIII,
27. А. А. Веселовский, в «Отчете о 4-м присуждении Пушкинских премий в 1888 г.», стр. 56.
28. А. Амфитеатров. Собрание сочинений, т. XXIX.
29. Недавно появился и другой русский перевод «Contes Drôlatiques» М. В. Голицына (ГИЗ., 1929).
30. Д. К. Петров. «Отчет о шестнадцатом присуждении Пушкинских премий в 1905 г.» СПб 1906, стр. 56.
31. G. Gelosi. Paul Heyses Leopardi—Übertragungen, München, 1928, I, S. 5—7.

III.

32. Ляо-Чжай. Монахи-волшебники. Перевод и предисловие В. М. Алексеева. П., 1923, стр. 11; Ляо-Чжай, Лясы чары. Перевод и предисловие В. М. Алексеева, П., 1922, стр. 16, 21-22.
33. Н. В. Помяловский. Гораций в переводе Фета. «Отчет о присуждении Пушкинских премий в 1884 г.» СПб. 1884, стр. 53.
34. Н.-М. Мендельсон. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. «Публичная Библиотека СССР имени В. И. Ленина» сборник I, М. 1928, стр. 35.
35. Н. М. Мендельсон, там-же, стр. 37.
36. T. Mommsen. Die Kunst des Übersetzens,³ Francf. a. M. 1886.
37. Ф. Бласс. Герменевтика и критика, стр. 132.
38. «Принципы художественного перевода»² (II. 1920).
39. Дела-Барт. Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции в к. XVIII и нач. XIX-в. Киев, 1905 стр. 66-67.
40. Дела-Барт, там-же, стр. 67.
41. В. И. Резанов. Из размысливаний о сочинениях В. А. Жуковского. СПб, 1906, вып. I, стр. 275 и сл.
42. В. И. Резанов. Op. cit, стр. 275-277.
43. В. Гайм. Романтическая школа. М. 1891, стр. 147-153.

44. «Принципы художественного перевода».

45. К. Чуковский и А. Федоров. Искусство перевода, Лгр 1930, стр. 91 и сл.

46. G. V. Wartenleben. Beiträge zur Psychologie des Übersetzens Abt. I. «Zeitschrift f. Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane» Bd. 57. (1910), S. 89—115.

47. Max Kuttner. Glossen zur Übersetzungskunst. «Archiv f. d. Studium d. Neueren Sprachen und Literaturen» N. F., Bd. 55 (1929), H. 3-4, S. 263-264. Автор произвел, между прочим, следующий опыт: он перевел на немецкий язык отрывок из романа Ж. Кесселя «Les Captifs» и подал его ряду французских писателей (без указания на его происхождение) для обратного перевода на французский язык; различие полученных таким образом текстов было полное.

IV.

48. «Принципы художественного перевода», стр. 12-13; ср. замечания А. Потебни. Мысль и язык, 3 Харьков, 1913, стр. 204-205. Ср. о французских переводах слова Пушкина, сказанные по поводу Шатобрианова перевода «Потерянного Рая» Мильтона: «Если уже русский язык, столь гибкий и мощный, в своих оборотах столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к передожению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привчках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона... «Неизданный Пушкин», II. 1922, стр. 204-205).

49. N. F. Amiel. Les Etrangères, Paris, 1876. Préface.

50. Andrétheuriet. De la traduction des poètes. «Revue des Deux Mondes» 1877, 1 février, p. 674 sg.

51. J. Maskenzi. Translations. «The Anglo-Russian Literary Society», Proceedings, 1896, № 14, p. 5—9.

52. М. И. Сухомлинов. О языкознании в древней России (1854) «Исследования по древне-русской литературе» СПб, 1908, стр. 383-385. То же замечает и А. Потебня: «вряд-ли между немецкими простолюдниками найдется столько практически владеющих какими либо языками, как между русскими, находящимися в сношениях с иностранцами, напр. на Кавказе в Сибири». («Мысль и язык». Изд. 3-е, стр. 205.)

53. С. К. Вудич. История языкознания в России, СПб. 1900.

54. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв., СПб, 1903; его же. «Из переводной литературы Петровской эпохи. «Сб. Отд. Русск. яз. и Словесн. Акад. Наук», т. LXXXIV, № 3.

55. А. С. Архангельский. К изучению древне-русской письменности. СПб. 1888 стр. 73-75, 77-80. Занятие переводчика для Курбского представляло немалые затруднения. Главной заботой переводчика было «не растлеть разум», т. е. не извратить смысла подлинника. Переводческая деятельность Курбского была очень обширна: к известным ранее шести беседам Иоанна Златоуста, отрывкам из истории Евсевия, диалогу патр. Геннадия и истории Флорентийского Собора (см. статью Петровского, Зап. Казанского Ун-та 1873 № 4, стр. 713-714, 738-742) прибавились впоследствии «Новый Маргарит», перевод Богословия, Диалектики и других сочинений Дамаскина, почерпнутых из его фрагментов (см. А. Архангельский. Очерки из истории западно-русск. литературы, Чт. Общ. Ист. Др., 1881, № 1, стр. 2, 15, 24-26; «Журн. Мин. Нар. Просвещ.», 1888, № 8, стр. 258, 260-262) и мн. др. Сравнительное изучение двух русских переводов диалектики Иоанна Дамаскина (из них один Курбского)—этого «единственного до средин XV века и наиболее распространенного представителя немногочисленной философской, в дисциплинарном смысле, литературы Московской Руси», весьма полезно при исследовании вопросов переводческой техники: в «Диалектике» встречается 319 физико и логико-философских терминов.

софских термина, крайне затруднявшие переводчиков, см. Л. В е д р ж и ц к и й. К изучению диалектики И. Дамаскина «Русский Филологич. Вестник», 1915, т. LXXIII, стр. 147-156. Ср. также С. В а л у х а т ы й. Переводы кн. Курбского и Цицерон. «Гермес» 1916, № 5-6.

56. Изучение языковых средств русских переводчиков переходной эпохи к XVIII в. начинал еще Н. С. Тихоно ра в о в, предполагая к изданным им текстам «Русских драматических произведений» 1672-1725 г. (СПб., 1874) приложить специальный «Словарь», который должен был заключать в себе толкования и объяснения иностранных слов из таких памятников, как «Лексикон» Памвы Берында и русские азбучники XVII в., а также «те русские речения, варваризмы и неологизмы, которые употреблялись русскими переводчиками при передаче на родном языке новой, неизвестной у нас в старину, литературной отрасли». К сожалению, намерение это не получило осуществления. Характеризуя пьесы Московского театра 1670 г. с этой стороны, ак. В. Н. П е р е т ц говорит, между прочим, что «переводчики, переводившие довольно плохо, допускавшие довольно дикие неологизмы (безпохвальный народ—unlöbliches Volk, счастьепадение—Glückfall и т. д.) все таки удвоили торжественный ритм периодов, в речах серьезных персонажей. Более того, они сумели противопоставить обычной славянизмам их речи—речь грубо вульгарную, в которой как бы случайно застрявшее славянское «высокое» речение, еще более подчеркивает общую вульгарность тона, отгоняя и делая выразительнее речь шутовских персон». (Сб. «Старинный театр в России». II. 1923, стр. 39-42). Это интересное наблюдение снова ставит на очередь вопрос об изучении переводческих приемов в связи с историей языка в к. XVII—нач. XVIII века. Словарные материалы, приведенные у Н. А. Смирнова, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху СПб., 1903, заимствованы из очень ограниченного круга источников, и нуждаются в более тщательной регистрации и изучении. В некоторых русских переводах 30-х г. г. XVIII в. мы находим уже решительный поход против чуждой иностранной стихии. См. В. В. Буш, «Житие Петра Великого» Стефана Писарева, Ж. М. Н. Пр. 1915, № 10, стр. 279-282.

57. А. А. Веселовский, исследуя вопрос о Кантемире, как переводчике «Писем» Горация (1742), отмечает, какую борьбу с подлинником пришлось выдержать переводчику в передаче языка, размера, чуждых русскому укладу понятий и т. д. Кантемир прямо сознавался в своем бессилии дать точный и верный перевод: «Ведаю, что латинскому не соответствует, да не знаю как по-собить». (См. «Кантемир—переводчик Горация», Изв. Отд. Отд. Русск. яз. и Слов. 1914, кн. 1, стр. 244). Аналогичные затруднения,—в силу отсутствия у нас научной терминологии и необработанности русского литературного языка—встречались у наших переводчиков до конца XVIII в.; так, в 1774 г. переводчик Алексеев, в предисловии к переводу «Диодора Сицилийского исторической библиотеки» заявляя, что имена некоторых деревьев, рыб и птиц он оставил, так как в нашем языке «нет еще ни дендрологического, ни ботанического, ни зоологического ни орнитологического лексикона, чтобы пользоваться в таких случаях можно было» (П. Черныев. Следы знакомства с древне-классической литературой в век Екатерины II «Филологическ. записки» 1904, III). До какого отчаяния доводил русских переводчиков в XVIII в. «недостаток слов в изображении терминов» свидетельствует напр. такое заявление одного из них (1766 г.): «Сей недостаток так было меня тронуд, что я начатой уже труд мой рассудил оставить; однако, потом, следуя другим совету, что лучше хотя малым чем отечество пользоваться, нежели ничем, предприял оный совершенно кончить» (Г. III п е т. Очерк развития русской философии, ч. I, Пб. 1922, стр. 23).

58. Интересную попытку изучения «языковых средств» В. К. Третьяковского—переводчика, на основании анализа перевода его из G. Mallet («Сокращение философии канцлера Ф. Вэкона», 1755) представляет статья И. В. Шаля в «Трудах Кубанского Педагогического Института» 1929, т. 2-3, стр. 215-242. О Третьяковском и современных ему русских переводчиках см. еще у В. Н. Перетца. Итальянская интермедия 1730-х гг. в стихотворном русском переводе (сб. «Старинный театр в России» II., 1923 стр. 143-179); А. О.

Круглый. О «Римской Истории» Роллена в переводе Тредьяковского «Ж. М. Н. Пр.» 1876 № 8, стр. 226-233.

59. В. П. Семенников. «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768-1783. Историко-литературное исследование». СПб 1913. В «Собрании» числится 114 книг, занимавшихся переводами. Семенников главную заслугу собрания видит «в переводе на русский язык древних классиков»; к исследованию приложен библиографический указатель 111-ти переводов, «Собрания», но изучение их с точки зрения языка и переводческой техники не входило в задачу автора.

60. Для следующего см. замечания А. И. Кирпичникова, в рецензии на «Песнь о Роланде», пер. де-ла-Барта («Отчет о 12-м присуждении Пушкинских премий в 1897 г.» Сб. Ак. Наук, т. 66, стр. 19-20). Несколькими наблюдениями из истории переводческого искусства в России см. также у П. И. Вейнберга, в критическом разборе «Дон-Жуана» Байрона, перев. П. А. Козлова, Ж. М. Н. Пр. 1889, № 8, стр. 437-445; ниже мы приводим список отдельных работ, которые могут пригодиться для историка перевода в России—преимущественно те из них, в которых затронуты вопросы техники перевода.

61. А. П. Соломон, в «Отчете о семнадцатом присуждении Пушкинских премий в 1907 г.» СПб 1908, стр. 26; о первом издании перевода см. записку А. В. Никитенки в «Изв. И. Акад. Наук», т. IV, (вып. 4), стр. 192-194 и Ж. М. Н. Пр. ч. LXXXIII отд. VI, стр. 5-9. Несмотря на наличие столь монументального труда, «Божественная Комедия» привлекла у нас еще целый ряд других переводчиков; впрочем, П. Вейнберг заявлял, что сличение русских стихотворных переводов Данте (Мина, Минаева, Петрова) с подлинником, и собственный опыт, убедили его в том, что «с точностью передать произведение Данте русским рифмованным стихом невозможно». («Вестник Европы» 1875 № 5, стр. 114). См. приведенный выше отзыв Д. К. Петрова о переводе О. Н. Чюминой. («Отчет о шестнадцатом присуждении Пушкинских премий», СПб. 1906 стр.) Обзор русских переводов Данте см. у А. Н. Гилярова. Старые поэты в новых русских переводах. «Университетские Известия» (Киев) 1894, август, стр. 253; Л. А. Чижиков. Данте в России. «Русский Библиофил» 1915, № 8, стр. 92-95; М. Ковалевский. Русские переводы «Божественной Комедии» — «Казанский Библиофил» 1921, № 2, стр. 58-60. Для сравнения: Reinhold Köhler. Dante's Göttliche Komödie und ihre deutschen Übersetzungen, Weimar, 1865.

62. «Проверка и переработка, которым подвергался русский текст поэмы, начиная с 1878 г., замечает А. Г. В. О. З. Д. Е. В., — не изменили основного характера перевода: он отмечен простотой поэтических оборотов речи, ясностью в передаче основной мысли и сознательным уклонением от новшеств в словаре» («Северные Записки» 1915, № 9, стр. 221). Список русских переводов из «Фауста» дают изд. соч. Гете под ред. Гербеля т. II (Переводы до 1878 г.); Н. Р. У. Б. А. К. И. Н. Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей и критикой, СПб, 1897, стр. 81. «Русские переводы Фауста» — «Неделя» 1889 № 41; С. Свободин «Фауст» в России — «Новь» 1893 № 15 стр. 460-466; Г. Бойезон. «Фауст» Гете. Комментарий к поэме. СПб. 1899, приложение; В. Розов. Пушкин и Гете, Киев 1908; И. В. Казанский, Фауст Гете в переводе Фета «Заграничный Вестник» 1882, июнь стр. 121-139. О трудностях перевода Гете на русский язык любопытные соображения у Алексея Сидорова. Гете в переводчик «Труды и дни», 1914, VII, стр. 33-48.

63. Н. А. Рубакин. Среди книг², т. I, стр. 102-103, 113-114, 123-125, 138-139, 142-143, 148-155. А. Н. Гиляров жаловался на отсутствие у нас достаточного количества переводчиков: «У нас немногие знают основательно иностранные языки, из знающих немногие изучают иностранные литературы, из изучающих немногие сознают великое культурное значение поэтических произведений, а из сознающих немногие решаются испробовать свои силы на переводе» («Старые поэты в новых рус. перев.» «Унив. Известия» 1894, авг., стр. 251).

Das problem des künstlerischen übersetzens.

Zusammenfassung.

Die vorliegende Abhandlung stellt den Antrittsvortrag dar, der vom Verfasser im Dezember d. J. 1927 als Einführung zu seinen Vorlesungen über die Westeuropäische Literatur an der Staatsuniversität zu Irkutsk gehalten wurde. Das Thema bietet zweifaches interesse, einmal als Problem, dass die moderne literarische Welt aufs stärkste bewegt, und dann auch als interessante und wichtige Aufgabe des höheren philologischen Unterrichts. Nachdem der Autor auf die lebhafteste gegenwärtig in ganz Europa und auch in Russland zutagetretende Übersetzertätigkeit hingewiesen und die Ursachen dieser Erscheinung zu klären gesucht hat (eine grosse Rolle ist hierbei der langandauernden Getrenntheit der Völker Europas zuzuschreiben, die durch die Katastrophe des Weltkrieges, die Blockade, die Grenzsperrung bedingt wurde; für SSSR ist ausser allem anderen im vorliegenden Falle auch die Entstehung neuer Gruppen von Lesern und das Hervortreten der neuen nationalen Sprachen der sogenannten «kleinen Völkerschaften», die sich nach der Revolution als gleichberechtigte Nachbarn der russischen Sprache an die Seite stellen und die Erschaffung von Nationalliteraturen anstreben, von nicht geringer Bedeutung; bekanntlich trägt ja die Übersetzertätigkeit viel zur Ausgestaltung einer Literatursprache bei), wendet er sich der Bedeutung der theoretischen Einstellung dieses Problems in den Mauern der Hochschule zu.

Beim Studium der ausländischen Literatur muss man sich über die Beschaffenheit der Überetzung, deren man sich aus Unkenntnis der Originalsprache bedient, völlig klar sein, das ist aber bloss in dem Falle möglich, wenn man von der Kompliziertheit des aufgestellten Problems völlig durchdrungen ist. Die Geschichte der Anschauungen über die Kunst des Übersetzens bestätigt es, wie lange schon an der Lösung der Frage gearbeitet worden ist, welche Überetzung als die beste anzusehen ist und an welche Prinzipien man sich bei der Bewertung der einzelnen Denkmäler der Übersetzerkunst zu halten hat. Nach einem kurzen historischen Überblick über die wechselnden Anschauungen in dieser Frage,—von den Schriftstellern des klassischen Altertums—Horaz, Cicero, den Gelehrten des Mittelalters, wie der heilige Hieronymus, Roger Bacon, den Vertretern der

Renaissance und Barockzeit, Schleiermacher, Schlegel und den Romantikern bis zu den deutschen und englischen Linguisten und Literaturhistorikern Ende des XIX und Anfang des XX Jahrhunderts, geht der Autor näher auf die Frage ein, ob denn wirklich eine poetische Übersetzung unmöglich und unerreichbar sei, wie es schon Dante äusserte und 500 Jahre später Schelley und mit ihm so viele andere Dichter und Prosaschriftsteller. Erwägungen allgemeinen Charakters und die Analyse einer Reihe von Beispielen aus der russischen Übersetzungsliteratur (wie der erzwungenen Archaisierung und Nationalisierung des Stils, die von I. Cholodnjak bei der Übersetzung von Petronius „Coena Trimalchionis“ oder von F. Sologub bei der Uebersetzung der „Contes drôlatiques“ von Balzac angewandt wurden: ersterer reproduziert die russische halbvolkstümliche mündliche Redeweise und Ausdrücke des russischen Volksmärchens, letzterer den Stil der russischen Novellen des XVII Jahrhunderts) führen zu dem Schluss, dass wir einem Kunstwerk grosser Schaden zufügen, wenn wir es dem Boden, auf dem es entstanden ist, entziehen und es dem Verständnis des neuen gesellschaftlichen, literarischen, sprachlichen Milieus anpassen, und dass eine adäquate völlige Identität mit dem Original doch unerreichbar bleibt. Wie gross und mannigfaltig aber auch die Schwierigkeiten sein mögen, die dem Übersetzer, der seine Aufgabe ernst nimmt, erstehen, so ist doch das Übersetzen als Werkzeug der Kultur unvermeidlich und notwendig. Was die Methoden anbelangt, an die sich der Übersetzer zu halten hat, so ist es unmöglich und zwecklos allgemeine Normen aufstellen zu wollen sie müssen je nach den Zielen, die sich die Übersetzung steckt, und in Anpassung an die gesellschaftliche Gruppe von Lesern, an die sie sich wendet, geändert werden. Die Frage, welches die besten Übersetzungsmethoden sind, lässt sich also nur durch vielfach wiederholte und geschickt angestellte Experimente lösen, deren Gegegenstand eine Gruppe von sozial-isolierten Lesern und die durch das Denkmal der Übersetzungsliteratur auf dieselben ausgeübte Wirkung sein wird, Ferner bewertet der Verfasser vergleichsweise die künstlerischen Übersetzungen der deutschen, englischen, französischen und russischen Literatur.

Der letzte Teil ist einer kurzen Geschichte der Kunst des Übersetzens in Russland gewidmet. Solch eine Geschichte ist noch nicht geschrieben, harrt aber schon ihres Erforschers, der Zustand der Literatur über diese Frage gestattet es schon die ersten Verallgemeinerungen zu machen und die ersten Schlussfolgerungen anzudeuten. Zieht man in Betracht, dass die historischen Verhältnisse in Russland schon ziemlich früh ein erhöhtes Interesse für die ausländische Kulturwelt und Fähigkeit erweckten, sich die fremden Sprachen, sowohl die orientalischen als auch die des Occidents, verhältnismässig leicht anzueignen (es sei bemerkt, dass das Erscheinen der ersten Wörterbücher für ausländische Wörter schon auf das XI-XII

Jahrhundert zurückgeht), so wird uns der umfangreiche im Laufe vieler Jahrhunderte bei uns angehäuften Vorrat an Übersetzungsliteratur nicht weiter in Erstaunen setzen. Jedoch lassen sich in Jahrhundertealten Geschichte der Kunst des Uebersetzens mehrere scharf von einander zu unterscheidende Perioden verzeichnen. Die erste Periode, die vom XI bis zu Anfang des XVIII Jahrhunderts dauert könnte man als Periode der elementaren (unwillkürlichen) Übersetzungstätigkeit bezeichnen, wo die wörtlichen handwerksmässigen Uebersetzungen gemacht wurden, ohne jeden Gedanken an eine Wiedergabe der ästhetischen Eindrucks den das Original hervorruft, auch wurden sie des öftern Leuten übertragen, die die russische Sprache nicht genügend beherrschten. Begründete Prinzipien für die Übersetzung, Schulen für die Kunst des Uebersetzens, gab es noch nicht. Dagegen liess sich die zweite Periode, die in den dreissiger Jahren des XVIII Jahrhunderts mit Trediakowsky und den Uebersetzern der jungen Petersburger Akademie der Wissenschaften beginnt und zum Anfang des XIX Jahrhunderts dauert, als Versuchsperiode bezeichnen, als Periode des Suchens und der Anhäufung von übersetzerischer Erfahrung. Die enorme Anzahl von Übersetzungen der Literaturerzeugnisse aller Zeiten und Völker, die besonders während der Regierung Katharinas der Zweiten durch Vermittlung einer ganzen speziellen „Gessellschaft von Uebersetzern“ (1768—1783) entstand, ist wahrhaft erstaunlich. Diese Übersetzungen arbeiteten eine neue reformierte und europäisierte russische Literatursprache aus und trugen dazu bei, dass eine starke Begeisterung für die ausländische Literatur erwachte. Mit dem Beginn des XIX Jahrhunderts fängt die dritte die schöpferische Periode an, deren sichere und meisterhafte Übersetzungen ihren Wert auch bis in unsere Tage noch nicht verloren haben. Das XIX Jahrhundert hat der russischen Literatur im allgemeinen ihren übersetzerischen Grundfond gegeben—die Wiedergabe fast aller europäischer Klassiker. Es wäre jedoch irrtümlich anzunehmen, dass das Vorhandensein dieser Übersetzungen die Notwendigkeit erneuter Übersetzungen beseitigt. Eine grosse Anzahl von wichtigen Denkmälern der europäischen Literatur, besonders der ältesten Periode, fehlt in russischer Übersetzung und harret noch der Interessenten, die sie in die russische Übersetzungsliteratur ein reihen.

Im Anhang werden „bibliographische Materialien zur Geschichte des Uebersetzens in Russland“ gegeben; dieses Verzeichnis macht keinen Anspruch auf Vollständigkeit und ist hauptsächlich für die Studenten der philologischen Fakultät und die Leiter derjenigen Seminare bestimmt, die sich mit dem Studium der einzelnen Werke der Übersetzungsliteratur beschäftigen, um sich mit dem Stil und der literarischen Technik derselben vertraut zu machen. Daher haben in dem Verzeichnis hauptsächlich solche Artikel und Untersuchungen Aufnahme gefunden, in denen die Fragen über das Studium

der literarischen Technik berührt werden. Dem Verzeichnis sind einige Beobachtungen methodischen Charakters beigelegt, die der Autor in den letzten drei Jahren an der Staatsuniversität zu Irkutsk in einem speziellen unter seiner Leitung stehenden Seminar für Übersetzungstechnik gemacht hat. Das vorliegende Verzeichnis dürfte vielleicht, in Ermangelung eines bibliographischen Anzeigers der Arbeiten über die Geschichte der Übersetzung in Russland, bei all seiner offenbaren Unzulänglichkeit für die zukünftigen Erforscher dieses Gebietes doch von Nutzen sein.

Библиографические материалы для истории художественного перевода в России.

Настоящие «Библиографические материалы» ни в какой мере не претендуют на полноту. Они имеют в виду, с одной стороны, облегчить дальнейшие библиографические розыски историку переводческой деятельности в России, с другой,—главным образом, в своих последних разделах—служить ориентирующим справочником для студентов университета, изучающих западно-европейскую литературу в русских переводах или занимающихся специальным исследованием (в семинарии по истории западно-европейской литературы) отдельных памятников русского переводческого искусства. Опыт показал, что сравнительно-стилистическое исследование переводов какого либо литературного памятника и сопоставление его с подлинником при ознакомлении с произведениями иностранной литературы приносит большую пользу для всех, плохо владеющих иностранными языками. В руководимом автором семинарии читались доклады на такие напр. темы, как «Анализ некоторых стихотворений П. Шелли в переводе Бальмонта», «Сопоставление первых сцен «Фауста» Гете в переводе Н. Холодковского и Валерия Брюсова» (по поводу нового издания «Фауста» ГИЗ, 1928), «Э. Верхарн в русской передаче В. Брюсова, М. Волошина, Шенгели, Федорова», «Уитмэн в интерпретации Бальмонта и К. Чуковского», «Песнь о Гайавате Лонгфелло и ее русские переводы: Д. Садовников, Михайловский, И. Бунин», «Стилистический анализ рассказа Марка Твэна «Скачущая лягушка»¹⁾ и т. д. Вчитываясь в подлинник и переводы, подмечая характерные переводческие приемы, нормальные и ненормальные отклонения от иностранного текста и т. п. референты получали, несомненно ряд очень ценных сведений и исследовательских навыков. Специальный семинарий для изучения техники художественного перевода (на отделении иностранных языков) с рядом умело поставленных экспериментов, принес бы, конечно еще большую пользу. Именно занятия этого типа и имеют в виду прилагаемые

¹⁾ В этом рассказе Марк Твэн высмеивает перевод своего юмореска на французский язык. Рассказ заключает в себе оригинальный текст, французский перевод его и обратный перевод Марка Твэна с французского на английский. Французский критик, замечает Марк Твэн «говорит что моя «Скачущая лягушка» очень смешная история, но он все таки не понимает, почему над ней покатываются со смеху,—и немедленно принимается переводить ее на французский язык, чтобы доказать своей нации, что в ней нет ничего особенно смешного. Вот тут то и выходит мне обида. Он вовсе не перевел ее, а просто исковеркал... Но простое уверение с моей стороны еще не доказательство, поэтому я печатаю французский перевод, чтобы всякий мог видеть, что я не выдумываю; мало того, чтобы всякий, даже необразованный человек, мог видеть, как меня обидели, и посочувствовать мне, я с несказанным трудом и мучениями

«Библиографические материалы», чем объясняются и почти полное отсутствие классификации материала, и его разнородность, и очевидная неполнота. Отдельный памятник переводческого искусства нельзя рассматривать вне общей истории переводческой деятельности в данной стране; оценку его можно дать лишь в социологическом и сравнительно-историческом планах. Но история русского переводческого искусства еще не написана, а розыски относящегося сюда материала и всякого рода библиографические справки наводятся не без труда: нижеследующие «Материалы» и стремятся содействовать их нахождению.

Оговоримся, что в указателе приводятся книги и статьи, затрагивающие преимущественно вопросы переводческой техники, а также важнейшие библиографические пособия, вопросы же влияния иностранных литератур на русскую лежат вне плоскости нашего внимания.

Древнейший период. Опуская перечисление работ, касающихся переводческой техники в древне-русской письменности, которая должна была бы послужить предметом специальной библиографической сводки, приведем лишь случайные справки относительно работ, в которых можно найти ориентирующие указания относительно переводов XV—XVII веков. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб 1903 (Первоначально напечатано в «Вестнике Археологии и Истории» СПб 1899, вып. XI, стр. 8—159); составитель не преследовал, однако, целей библиографической полноты и не поместил в свой перечень того, что описано и исследовано Владимиром, Пыпиным, Поливкою и т. д., оговорившись также: «В области изящной литературы и медицинских сочинений даем лишь очень немногое» (стр. 52). К сожалению и труды П. В. Владимиrowa (напр. «Великое Зерцало». Из истории русской переводной литературы XVII в. М. 1884), М. Н. Сперанского (например: «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности» М. 1904), и многочисленные работы А. Н. Пыпина («Очерк литературной истории повестей и сказок русских»—Уч. Зап. И. Акад. Наук по II Отд. 1858, кн. IV; «Для любителей книжной старины»

пере-перевед этот французский перевод обратно на английский, и сказать правду, измучился над ним до смерти...» Рассказ представляет собою чрезвычайно интересный материал для стилистического анализа: тонкий юмор оригинального текста основан, главным образом, на воспроизведении некоторых особенностей сказовой речи, исчезнувших во французском переводе; в обратном переводе Марк Твен сильно шаржирует буквальность перевода, приводящую к грубейшим синтаксическим и стилистическим промахам, что в свою очередь производит комический эффект. С методической стороны рассказ очень удобен для производства на его основе ряда очень интересных опытов и наблюдений.

М. 1888, «Сбор. О-ва Люб. Рос. Словесности на 1891 г.» и т. д.), А. Н. Веселовского («Из истории романа и повести» Сб. Отд. Русск. Яз. и Слов. И. Акад. Наук т. т. XL, XLIII, XLIV; «Византийские, южно-славянские, западно-европейские повести в русской литературе» в «Истории русской словесности, древней и новой» А. Галахова, Изд. 2 е, СПб 1880 § 27, стр. 394—517) и т. д. касаются переводческой техники лишь вскользь, главное внимание обращая на изучение сюжета, на поиски иностранных оригиналов, на исследование путей перехода на Русь иностранных произведений, впрочем отдельные замечания о лексике и синтаксисе переводов могут быть использованы для интересующей нас цели. В этом смысле могут быть полезны также такие работы, как: С. Пташицкий. Средневековые западно-европейские повести в русских и славянских литературах. «Историческое Обзорение» т. VI (1893) и IX (1897); A. C. Groiset v. d. Cop. Die Russischen Übersetzungen polnischen Literaturwerke. «Arch. f. slav. Philol». Bd. XXX; M. Murko, Die Russische Übersetzung von Tyrus und der Gesta Romanorum, Jbid., Bd. XIV и т. д. Полное перечисление их заняло бы слишком много места; руководитель семинарских занятий легко отыщет нужные ему заглавия отдельных работ в любом университетском учебнике или библиографическом справочнике по древнерусской литературе.

Для истории перевода в России в XVIII веке могут служить еще кроме указанного выше (в примечаниях): П. Пекарский. Наука и литература при Петре Вел., Т. I, II, СПб, 1862; А. И. Соболевский. Из переводной литературы Петровской эпохи. Сб. ОРЯС, т. XXXIV № 3; А. Туркестанов. Каталог иностранной литературы в России (1740—1810) М. 1894 (составлено главным образом по «Опыту русской библиографии» В. С. Сопкива, СПб. 1821; 2-е изд. под ред. В. Н. Рогожина, 5 т.т. и Указатель, СПб. 1904—1908). П. И. Рулин, Русские переводы Мольера в XVIII веке. «Известия по русскому языку и словесности» 1928, I кн. I, стр. 221—244; Н. А. Попов, Георгий Дандоло, русский лексикограф и переводчик прошлого столетия. «Библиографические Записки» 1859, т. II. № 5, стр. 195—229; Н. С. Тихонравов, Кирьяк Кондратович, переводчик прошлого столетия. «Библиографические Записки», 1858 т. I, № 8 стр. 225—236; П. Пекарский, Кондратович, русский прозаик и стихотворец, переводчик и беллетрист XVIII ст. «Современник» 1858, т. LXXIX отд. I, стр. 452—484. К указанной выше книге В. П. Семенникова прибавим рецензию М. Петровского в «Известиях ОРЯС», 1914 кн. I, стр. 350—357 и статью С. Ф. Либровича. Собрание переводчиков при Екатерине II «Известия книжн. маг. М. Вольфа» 1914 № 12; С. А. Гамалов-Чураев, А. И. Лужков, библиотекарь и хранитель Эрмитажа. «Библиографический Сборник», т. II, вып. I, (П. 1916) стр. 37—39, (один из участников «Собрания»,

автор трех переводов с английского языка); Н. Чечулин. О русском переводе «Утопии» Т. Мора, сделанном в XVIII веке. Ж. М. Н. Пр. 1905 № 5, стр. 223—224; А. В. Станкевич. «Альзира» Вольтера в переводе Фонвизина. «Русский Архив», 1887 № 10, стр. 307—312. (Ср. стихотворение Крылова: «Как Карабанов взял «Альзиру» перевесть», «Русский Архив» 1863, стр. 877) М. Н. Лонгинов, Александр Андреевич Петров и переведенный им «Хризомандер». (1783). «Сборник литературных статей в память А. С. Смирдина» т. IV (1859), стр. 1—29; Г. Гуковский. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы. «Поэтика», Сб. IV (Лгр. 1928); его же, *Les traducteurs russes de Racine*. «Revue des études slaves», 1927; 3—4; p.p. 241—260. А. Веселовский, Капнист и Гораций, СПб, 1910. Весьма интересные критические замечания о русских переводах XVIII века Б. Голицына см. в книге «Рассуждения нравственные герцога деа Рошфуко, перевод с франц. Дмитрий Пименов, с предисловием, содержащем в себе критические замечания о переводах и о словесности, писанные кн. Борисом Голицыным». М. 1809; *Reflexions sur les traducteurs russes et particulièrement sur ceux des Maximes de la Rochefoucauld*, St—Petersbourg, 1811 (тоже, франц. перевод); В. В. [П. С. Савельев]. Карамзин, как переводчик и ценитель Шекспира. «Северное обозрение» 1849. Т. I, стр. 464—469; «Русские переводы Оссиана», «Книжки Недели» 1891 № 4; В. Маслов. Оссиан в России, Лгр. 1928. В числе справочных библиографических пособий, помимо указанных, могут быть полезны: В. Лебедев. Указатель ко всем учебным изданиям и переводам по классическим языкам, с начала книгопечатания по 1871 г. включительно. М. 1878; П. Прозоров. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII ст. по 1892 г. на русских и иностранных языках. Спб. 1898; Д. И. Нагуевский, Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г. «Ученые Записки И. Казанского ун-та по историко-филологическому факультету», 1889.

Для истории перевода в XIX и XX ст.: Н. К. Козмин, о переводной и оригинальной литературе конца XVIII и нач. XIX в. В связи с поэзией В. А. Жуковского, Спб. 1900; Жуковский (с французского): «О переводах вообще и о переводах стихов в особенности». «Вестник Европы» 1810, стр. 190—198; С. П. Шестаков. Заметки к переводам В. А. Жуковского из английских и немецких поэтов. «Чтения в Обществе Любителей Русской Словесности в память А. С. Пушкина», вып. XXIII (Казань), 1903; В. Чешихин, Жуковский как переводчик Шиллера, Рига. 1895. В. Каплинский, Жуковский как переводчик баллад. «Журн. Мин. Н. Просв. «1915, № 1; А. Налимов. Байроновский «Шильонский Узник» у Жуковского. «Литературный Вестник» 1905, V стр. 27-34; Р. Брандт, Об «Ивиковых

журавлях» в переводе Жуковского. Воронеж, 1905 (оттиск из «Филологических Записок»); Е. Елеонская, Жуковский—переводчик сказок «Русской Филологич. Вестн.» 1913 № 3; В. И. Резанов. Из разысканий о сочинения Жуковского, вып. I Спб. 1906, вып. II, Петроград 1916; А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения, Спб. 1904 (Особенно: стр. 491-497); Д. Блюменфельд. К вопросу о переводах «Наль и Дамайанти» на европейские языки. «Изв. Одесского Библиографического Общества», 1913, т. II, вып. 5, стр. 216-218. (О переводе Жуковского из Рюккерта в 1841-42 гг.); С. П. Шестаков, В. А. Жуковский, как переводчик Гомера, «Чтения в О-ве Люб. Росс. Словесности», вып. XXII (Казань, 1912); О. И. Сенковский, Одиссея и ея переводы. По поводу перевода «Одиссеи» Жуковского. «Библиотека для Чтения» 1849, № 1 и 2. (Перепечатано в Собрании сочинений, 1858, т. VII, стр. 330-520); «Современник» 1849: «Письма ингородяно подписчика» (по поводу статей Сенковского об «Одиссее»; перепечатано в сочинениях Дружинина, т. VI, стр. 61-63, 79-84; 90-98, 380, 382); П. А. Лавровский. Сравнение перевода «Одиссеи Жуковского с подлинником на основании разбора 9-ой рапсодии. «Отеч. Записки 1849 № 3, отд. V, стр. 1-58; Г. Дестунис. О переводе Одиссеи В. А. Жуковского Ж. М. Н. Пр. 1850, Ч. 67, № 8, отд. 2., стр. 59-99; Б. И. Ордынский. Одиссея Жуковского и журнальные толки о ней. «Современник» 1850, т. 20 №№ 3 и 4; П. Черняев. Как ценили перевод «Одиссеи» Жуковского современные и последующие критики. «Филологич. Записки» 1902, 2—3; А. С. Кайсаров. Примерный устав нового Общества переводчиков [писан ок. 1812 г.] «Чтения в И. Общ. Ист. и Древн. Российских», кн. 3, отд. V, смесь, стр. 142-147; Зоя Розова. Крылов как переводчик Лафонтена. «Русск. Мысль» (София) 1921, кн. X-XII, стр. 330-336. В. Каллаш. Переводы Крылова из Плутарха и Платона. «Изв. отд. Русск. яз. и Слов». 1905, кн. 3, стр. 339-359. С. Любомудров. Античные мотивы в поэзии Пушкина, изд. 2-е, СПб 1901; П. Черняев, Пушкин как любитель античного мира и переводчик классических авторов. А. И. Маленин. Пушкин и античный мир в лицейский период. «Гермес» 1912, № 17 и 18; Его же, Пушкин и Овидий. «Пушкин и его современники», вып. XXIII-XXIV; Г. Г. Гельд, Пушкин и Афиней. Там же, вып. XXXI-XXXII; М. Н. Розанов. Пушкин и Данте, там же, вып. XXXVII, 1928, 11-41; Н. Лернер, Пушкин и Португальский поэт. «Русск. Библиофил» 1916 № 4, стр. 75-76. (О переводе Пушкиным стихия Gonzaга: «Recordacoes»); А. Габричевский. «Странник» Пушкина и его отношения к английскому подлиннику. «Пушк. и его современники» вып. XIX-XX; Н. В. Яковлев. Последний литературный собеседник Пушкина. Там же, вып. XVIII; Его же. «Пир во время чумы». Пушкинский сборник памяти

А. С. Венгерова, П. 1923; Н. К. Гудзий. Переводы И. И. Козлова из Мицкевича «Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии» 1919 № 57; Fröberg. Lermontoff als Übersetzer, st. Petersburg. 1905; Р. Бранд. Воскресающий Наполеон у Лермонтова и в его немецком образце. «Сборн. статей в честь М. К. Любавского» П. 1917, стр. 778-786. (Перевод Лермонтова из Цедлица); В. И. Маслов. Начальный период байронизма в России, Киев, 1915; С. В. Шувалов. Лермонтов — переводчик Байрона». Семь поэтов, Историко-литературные и критические статьи», М. 1927, стр. 72-113; Е. А. Бобров. А. И. Полежаев, как переводчик. «Русск. Филологич. Вестник», 1903, кн. 1-2; М. Сперанский. Гоголь-переводчик, «Египос» сб. в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 213-228; Н. В. Шаров, Стихотворения Г. Гейне в переводах Ф. И. Тютчева. «Труды Белорусского Гос. Университета» 1921, № 1, стр. 139-147, № 2, 97-113. Г. Чулков, Тютчев и Гейне. «Искусство» 1923, № 1; Ю. Тынянов, Тютчев и Гейне, «Книга и Революция» 1922, № 4 (16); Г. Чулков, Переводы Тютчева из «Фауста» Гете. «Искусство» 1927 III, в. 2-3, стр. 164-170. К. Пигарев, Тютчев переводчик Гете. «Уралия». Тютчевский Альманах, Лгр. 1928, стр. 85-113; К. Пигарев, Перевод Тютчева из В. Гюго. «Мурановский Сборник», вып. 1, 1928, стр. 36-42; Н. Сурин. Тютчев и Ламартин. «Поэтика» в. III, Лгр. 1927, стр. 148-167; ее-же: «Русский Ламартин» — «Русская поэзия XIX в. Сборн. статей под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова», Лгр., 1929, стр. 299-335; А. Федоров. Русский Гейне, там-же, стр. 148-298; А. Федоровский. Переводы и переделки стихотворений Гете в русской литературе. «Записки И. Харьковского Университета» 1902, № 2, стр. 1-95. Ив. Казанский. «Фауст» Гете в переводе Фета. «Заграничный Вестник». 1882, июнь, стр. 121-139; В. Лазурский. Фет как переводчик и мыслитель «Русская Мысль» 1894, № 2, стр. 34-36. М. Э. Петропавловский. Римские поэты в переводе А. Фета. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1886, № 3-8; И. Помяловский Гораций в переводе с объяснениями А. Фета «Ж. М. Н. Пр.» 1884, № 12, стр. 68-82; И. Помяловский. (рецензия на то-же сочинение): «Отчеты о присуждении Пушкинских премий в 1884 г.» Спб. 1884, стр. 2-62; А. Фет. Ответ на статью «Русского Вестника» об «Одах Горация» «Отеч. Записки» 1856 № 6; «Современник 1859 № 5 (рец. на «Юлия Цезаря» Шекспира в переводе Фета); Н. М. Менделеев. Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. «Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина Сб. I, М. 1928, стр. 35-42; Ю. Никольский. История одной дружбы. Фет и Полонский. «Русск. Мысль» 1917 № 5-6, стр. 107-109 («Теория перевода» у Фета).

П. М. Леонтьев. «Несколько слов о попытках переводить Гомера на простонародный русский язык». «Пронилей», т. IV, 1854, стр. 551-562. (По поводу: Б. И. Ордынский. Илиада

Гомера. Опыт перевода в прозе, народным языком. Рапсодии I-XII, «Отеч. Записки» 1853, т. 86-88; ср. рец. «О переводе Ордынско-го Илиады»—«Москвитянин» 1853 № 3, критика, стр. 144-155 и два ответа Ордынского на отзывы об его переводе: «Москвит.» 1853 т. II № 5, смесь, стр. 29-32 и «Отеч. Записки» 1853, т. 30, отд. VII, стр. 27-28; ср. также Е. А. Бобров, Жизнь и труды Б. И. Ордынского, переводчика древних авторов. «Записки Об-ва Истории, Филологии и Права», Варшава, 1904, вып. III, стр. 36-39); Русские переводы Феокрита. «Книжки Недели», 1891, № 6, стр. 146-155, (сравнение переводов Мея, Гнедича, Янчевецкого и Сиротина).

«Классические, иностранные писатели в русском переводе». «Отеч. Записки» 1865 № 3; Н. И. Стороженко, О сонетах Шекспира в переводе Гербеля. «Русск. Курьер» 1881 № 9 (вошло в его книгу: «Опыты изучения Шекспира»); Д. Писарев, Вольные русские переводчицы. «Русское Слово» 1860 № 12 (по поводу переводов В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга; вошло в «Собрания сочинений», напр. изд. 4-ое Ф. Павленкова, 1904, стр. 213-226.); «О том как Курочкин переводит из Бодлера» — «Библиотека дешевая и общедоступная» 1871 № 6, стр. 165-166; П. А. Ефремов, о переводах Беранже и Шекспира. «Книжный Вестник» 1864 № 16; Н. Добролюбов, Песни Беранже в переводе Курочкина, собрание сочинений под редакцией В. П. Кранихфельда т. I, стр. 209—234 (Из «Современника» 1858 № 12) А. Талычева, Песни Беранже и его переводчик Курочкин. «Отеч. Записки» 1862 № 9, стр. I-59; П. л. Краснов, Шекспир и русский язык. «Книжки Недели» 1897, № 3, стр. 275—284, [о переводах А. Соколовского]; «Гамлет» в русских переводах, «Кн. Недели» 1891, № 11; П. Гнедич, «Гамлет» его, постановка и переводы—«Русск. Вестник», 1882, № 4; Байрон в «Чайльд-Гарольде» и «Чайль д-Гарольд» в русском переводе «Отеч. Записки» 1864, № 9.

Г. Н. Поспелов. Eugénie Grandet Бальзака в переводе Ф. М. Достоевского. «Ученые Записки Института Языка и Литературы, т. II, (М. 1928), стр. 103-136; «Памяти А. Н. Островского. Сб. статей об Островском и неизданные труды его» П. 1923. (Здесь об Островском-переводчике статьи: Д. К. Петрова, А. И. Маленна, Б. Кржевского); Л. А. Н. Островский-переводчик. «Книга и Революция», 1920, № 3-4; А. Линин. Островский—переводчик Гоцци. «Известия Азербайджанского Университета» т. VI-VII. (Баку, 1926), стр. 161-184. А. Н. Гиларов. Старые поэты в новых русских переводах. (Дант, Боккаччо, Ариост, Сервантес, Байрон.)—«Университетские Известия» Киев 1894, август, стр. 227-305, ноябрь, стр. 305-392; А. Богданович, Критические заметки, «Мир Божий» 1896, № 5, [перевод «Илиады» Минского]; А. Кирпичников, разбор перевода П. Вейнберга «Мария Стюарт». «Одиннадцатое присуждение премий имени Пушкина» Спб. 1899, стр.

21-55 (ср. Ф. Батюшков, П. И. Веннберг. «Мир Божий», 1901, № 12); Ф. Батюшков. П. Я. и его переводы из Бодлера. «Мир Божий» 1901, № 8, стр. 11-12; его же: «Еще о Бодлере и его переводчике», «Мир Божий», 1901, № 10, стр. 8-15. (Ответ П. Я. «Русское Богатство» 1901, № 8, стр. 77-87). Е. Колтовская. П. Я. и его переводы из Бодлера. «Образование» 1901, № 10, стр. 41-59; А. И. Кирпичников. «Песнь о Роланде» в переводе де ла Барта. «Отчет о 12-ом присуждении Пушкинских премий в 1897 г.» (Сб. ОРЯС, т. 65), стр. 19—63. М. Волошин. В защиту Гауптмана. «Русская Мысль» 1900, № 5, 193-200. [По поводу переводов Бальмонта: «Ганнеле» и «Потонувший Колокол»] К. Чуковский, В защиту Шелли. «Весы» 1908, № 3, стр. 61-68. [О переводах Бальмонта]; Д. Гальников. Литературные заметки. «Современный Мир» 1915, № 9; стр. 136-142. [Переводы Бальмонта из Шелли]; Д. К. Петров. Бальмонт и его переводы с испанского. «Записки Неофилологического Общества» вып. VII, Спб. 1914, стр. 29-35; Евг. Загорский. Юлий Словацкий. Бальмонт как его переводчик. М. 1910. стр. 23-32; К. Чуковский. У. Уитмэн. Поэзия грядущей демократии, изд. 6-ое, П. 1923, стр. 153-157. (Переводы Бальмонта из Уитмэна). Н. Бахтин. О передаче по русски иностранных имен. Ж. М. Н. Пр. 1911, № 3, стр. 15-21; М. В. Сергиевский. О передаче иностранных фамилий и имен о русском языке. «Публичная библиотека СССР имени Ленина», сборник II, М. 1929 стр. 212-227; В. Брюсов. Овидий по русски. «Русск. Мысль» 1913. № 4, отд. XVIII, стр. 29-34 [по поводу «Баллад-посланий» Овидия в переводе Ф. Зелинского]; В. Брюсов. Гомер в новом издании. «Русская Мысль» 1912, № 4, отд. XVII, стр. 25-30. [По поводу издания: «Поэмы Гомера в переводах Гнедича и Жуковского под редак. А. Е. Грузинского, изд. Окто, 1912); В. Брюсов. О переводе «Энеиды» русскими стихами. «Гермес» 1914, № 9. М. Волошин. Э. Верхарн и Брюсов. «Весы» 1907, № 2, стр. 74-82; М. Волошин. Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы М. 1919 («Предваренно о переводах», стр. 29-30); В. Брюсов. Верхарн на прокрустовом ложе. «Печать и Революция» 1923, III, стр. 35-45. («О полном собрании поэм» в переводе Г. Шенгели; ср. ответ Г. Шенгели, там-же, 1923, VI); Альманах «Свиток», сб. 3, М. 1924, стр. 63-70. [Предисловие Андрея Белого к переводу Я. Гордона из Р. М. Рильке]; Ю. Тынянов. Блок и Гейне, сб. «Об Ал. Блоке», изд. «Картонный Домик». Пб. 1921. Е. Ф. Книпович. Блок и Гейне. «О Блоке» сборник литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП, М. 1929, стр. 165-182. «Принципы художественного перевода» 1-е изд. П. 1920. К. Чуковский. В защиту Диккенса. «Звезда» 1929, № 9, стр. 193-196. (О переводах И. Введенского в новых изданиях: «Домби и сын», «Давид Коперфильд») К. Чуковский и А. Федоров. Искусство перевода. Лгр. 1930.

216.13/17.49.

3692 20/17
377 2 12.98
— 1 — 2.197

12167

Цена 50 коп.

Отдельный оттиск из Сборника Трудов
Иркутского Государствен. Университета,
том XVIII, стр. 149—196.
